

ВОЛНА

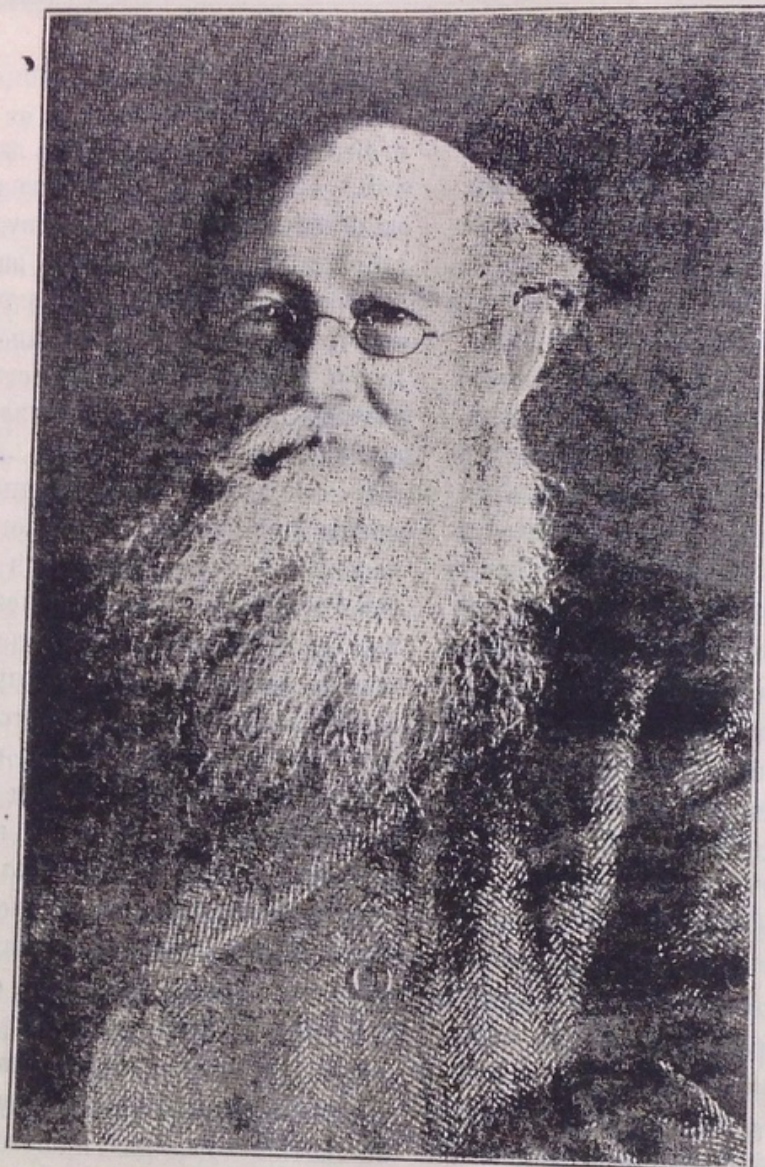
ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
- ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти учителя П. А. Кропоткина
Кропоткин и анархизм
Этический идеал Кропоткина
Конгресс окончен..
Интернациональный Анархический Конгресс в
Берлине 1921 г.
Письма о пережитом
Анархизм и организация
К характеристике нашей тактики
Письмо заграничным тов. от группы анархис-
тов России
О том, о сем.
Кавказец
Памяти товарища
Анархическая революция
Ночь и буря
Безработные
Ответ т-щу Независимову
В тюрьмах России
Письмо из Берлина
Отчет.

Памяти учителя П. А. Кропоткина.

Он отошел. Мятёжные исканья
В душе отзывчивой угасли навсегда.
И скорби горестной полны переживанья:
Он не придет к нам больше никогда.

Среди тревог земных, страданий и гонений
Огонь души его до гроба не погас.
Все тот же, жаждущий свободы и смятений,
Сказал всему—прости—сказал в последний раз.

Его грядущее Безсмертьем увенчает,
Из роз Анархии сплетет Ему венок.
Пусть длится тьма, но звезды засияют—
И будет жить в веках Апостол и пророк.

Р. ЭРМАНД.

То умер Прометей. Вот новая могила...
И снова мрак вокруг, немая тишина.
Страданий слышен стон. И снова поглотила
Всю жизнь отрадную печали глубина.
И всюду тьма. Но голос Правды вечной
Уже навек умолк и вновь не прозвучит;
Лишь отзвук прошлого созвучием предвечным
И дух его в других опять заговорит.

КРОПОТКИН И АНАРХИЗМ.

Греческий философ Гераклит говорил когда-то, что „всякая гармония есть результат вечных противоречий“. Нельзя сказать, что Бытие существует или не существует. Оно находится в безконечном потоке вечного становления, вечного созидания.

Точно также и жизнь общественная, как и жизнь каждого человека полна „трагических антитез“, ибо в этой жизни встречаются утро и полдень, и ночь. Эти исторические утра характеризуют собой различные эпохи Возрождения, когда всякая творческая личность, (а также и общество) создает в своем безудержном порыве новые ценности, пишет на скрижалях истории в своей творческой опьяняющей радости новые заповеди. Это происходит тогда, когда каждый человек чувствует себя свободным гражданином земли, когда его творческие порывы не встречаются на своем пути различных преград и препятствий.

Но встречаются также в этой многообразной жизни и „исторические сумерки“, когда вся жизнь человеческая напоминает собой какой-то невидимый хаос, в котором трепещет и содрогается всякая мысль, вечно ищущая свободы, света и радости; когда всякое усилие, направленное к достижению каких-либо прекрасных и возвышенных целей, остается бесплодным. В эти исторические моменты господствуют всюду бессилие, скорбь и отчаяние. И только немногие личности являются в эти моменты ярко светящимися маяками, к которым стремится каждый человек, которого житейские волны бросили в холодную бездну исторического тумана. Только эти немногие личности освещают своим божественным светом эту угрюмую и молчаливую жизнь и ведут слишком жестокую и непримиримую борьбу с окружающей тьмой, насилием и заблуждением.

Но уходят и эти немногие, и вся жизнь после этого является еще более мучительной и ужасной. „Любимцы богов умирают рано,“ — сказал когда-то Ницше.

К числу этих великих людей принадлежал и П. А. Кропоткин, всю жизнь свою посвятивший служению человечеству, великому идеалу добра и красоты. Вся его жизнь, наполненная глубоким внутренним содержанием, являлась какой-то „героической симфонией“ великой и благородной борьбы с торжествующим злом, на котором основаны все проявления нашей общественной жизни.

Его же личная жизнь могла служить самым ярким примером для всякого идеалиста, для всякого апостола Правды и Добра.

Поэтому, быть может, и склонил когда-то перед ним свою гордую голову один из величайших поэтов нашего времени Оскар Уайльд. В своих тюремных записках (*Deproffundis*) он называет его „вторым Христом идущим из России“ и говорит также, что жизни более совершенной, чем жизнь Кропоткина, он не встречал никогда.

Точно также он завоевал себе самое видное место среди всех мыслителей и ученых нашего времени, ибо, обладая громадной эрудицией почти во всех отраслях знания, он устранил в этих отраслях знания различные глубокие аномалии и создал новую глубоко-научную социологическую систему — систему научного анархизма. Кропоткин был для нашего времени тем, кем был в свое время для классической философии Иммануил Кант.

Всякая общественная мысль, как и мысль каждого человека, имеет свою историю, переживает свою эволюцию. Элементы анархической мысли мы встречаем еще в религиозных учениях древнего востока (Будда, Чарвака, Конфуций, Лао-Дзы), в учении циников, киренаиков и стоиков (Антистен, Диоген, Аристипп, Зенон, Эпиктет), в учении Эпикура, в раннем Христианстве, в некоторых философских системах эпохи Возрождения, в различных религиозных средневековых движениях, в учении Гельвеция в английском утилитаризме и в утопическом, социализме новейшего времени.

Если же анархический идеал не был идеалом господствующим, то это объясняется исключительно тем, что этот анархизм был слишком безпочвенным, был романтическим. Он был либо религиозным, либо схоластически—метафизическим, либо строго рационалистическим. (В последнем был грешен даже Бакунин).

Вот почему анархическая мысль—этот величайший критерий для „переоценки ценностей“—не могла завоевать себе права гражданства и пальму первенства среди всех социальных наук. Если даже величайшая истина не имеет под собой **научной** почвы, но базируется лишь только на абстрактных, спекулятивных началах, то эта непреложная (кажущаяся) истина может обсуждаться с различных точек зрения, результатом чего и является противоположность выводов и заключений. Это было с учением Гегеля, это было с естественным правом, из которого вытекает, по мнению одних, всеобщая и индивидуальная свобода, а по мнению других—*bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). Вот почему Гоббе и пришел к заключению о необходимости железной монархии, которая только и в состоянии обеспечить каждому индивиду его естественную свободу, вытекающую из естественного права.

Среди всех анархистов продолжала господствовать вера в человеческий Разум, Добро и Справедливость, как на присущие каждому человеку душевные качества, благодаря которым и вытекает вневременная и внепространственная возможность переустройства общества на новых началах—началах „всеобщего блага“. И эта вера продолжала господствовать и тогда, когда рушились уже основы всякого философского рационализма и социального оптимизма, когда всякая „метафизика права“ уступала место научно-позитивному мышлению и эмпирическим системам.

Вот почему и можно сказать об анархизме прошлого словами Ануицио: „Ты ветвь прекрасная, без цвета и плодов“.

Величайшая и неоценимая заслуга П. А. Кропоткина заключается в том, что он создал систему

научного анархизма, отвечающего не только на вопросы жизни социальной, но охватывающего собою все проявления человеческого духа и человеческого познания и творчества. Своим глубоко-критическим умом он произвел слишком суровую, но вполне справедливую переоценку схоластико—анархической мысли, открыв анархические начала в законах биологии, антропологии, истории и зоологии.

Его учение о взаимной помощи среди людей и животных настолько научно и убедительно, что с ним не могли не согласиться очень многие даже реакционные ученые—безчисленные ученики и последователи Дарвина, сумевшего слишком подробно осветить **худшую** сторону жизни—борьбу за существование.

Кропоткин осветил ту сторону жизни, которая стремится к Гармонии, интегральной свободе, к Новому Возрождению человеческой жизни и общечеловеческой культуры. Анархизм, таким образом, после этой переоценки не является только философией, но является **наукой**, широкой и всеобъемлющей. Тот же, кто говорит в наше время о несостоятельности и ненаучности анархизма, не читал, очевидно, ничего кроме Талмуда, Корана или Евангелия.

И скентикам, и противникам анархизма Кропоткин доказал также, что анархизм стремится не к упрощению жизни, к чему стремились когда-то Ж. Ж. Руссо и Толстой, но стремится к более разумной и более высокой культуре. Анархизм имеет кое-что общее с учением Толстого и не имеет ничего общего с учением Руссо. Анархизм не декаданс, но вечный прогресс.

Если же Кропоткин и Толстой были проникнуты глубоким уважением друг к другу, то это еще не значит, что в учении великих людей нет никаких противоречий. Так, например, такие великие люди, как Байрон и Шелли, в своих социально-философских убеждениях не имели ничего общего, но дружбы более трогательной и прекрасной не встретим мы, кажется, никогда.

Кропоткин был слишком ученым, слишком оригинальным, слишком самостоятельным. И

ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КРОПОТКИНА:

Бакунин в конце жизни мечтал написать этику. П. А. Кропоткин, кончая жизнь, кончал этику. Весь последний период жизни Толстого был посвящен этике. Глубоко знаменательно, что все они чувствовали необходимость в пересмотре, в преобразовании науки о ценностях-этики. Должна быть произведена переоценка ценностей. Этот мотив встречается каждого мыслителя, от Ницше до П. А. Кропоткина, каждого, кто глубже задумывается над жизнью человечества последних столетий.

И совершенно понятно, что наиболее остро эта проблема стоит перед тем, кто познал единственную реальную основу человечества—человеческую индивидуальность. В человеке лежит единственно возможная точка опоры для приложения рычага Архимеда, которым он хотел перевернуть землю. Тот, кто познал и принял всю силу утверждения человеческой свободы, тот знает, что нет в мире сил, которые могли—бы принудить его к признанию того, чего он не хочет. И если даже он знает нечто, как „дважды два—четыре“, он все—таки может не дать своей моральной санкции, хотя бы для этого, по выражению Достоевского, пришлось головой биться об стенку. Пусть сам бог повелел мне, если я не хочу, то и бог не заставит меня.... Конечно, меня можно подкупить, утешить, соблазнить и т. д., но все это чисто внешнее, все это не может заставить меня внутренне признать нечто, чего я не хочу. Нет, одним словом, ничего в мире, что могло-бы заставить меня оправдать то, что я внутренне считаю злом, что для меня неоправдываемо. Я могу оправдать или не оправдать мир, принять или не принять его... И если я не хочу его, не приемлю мира, то я не принадлежу ему; для мира я в таком случае

никто не служил так долго человечеству, не сделал для него столько добра, чем этот Великий Разум—творец новейшего научного антропоизма, этот ни кем не превзойденный человек.

Евгений Долинин.

потерян и кончаю ли я самоубийством, уйду ли отшельником в пустыню или остаюсь прозябать в миру подобный тени, я вычеркиваю себя из списка тех, кто может что—либо значить для мира...

Здесь не может помочь указание на то, что такая—то там необходимость заставляет человека быть деятельным, работать в жизни и т. д. Ну, что же? Пускай эта необходимость принуждает, но я—то проклинаю эту необходимость, я—то не оправдываю ее, не приемлю ее внутренне и считаю насилием... Я приложу все силы, все средства, чтобы одолеть эту необходимость и если даже я упаду в этой борьбе—я упаду осиленный, но не побежденный.

И лишь то, что внутри себя я признал, как добро лишь то, что, является выражением этого добра вне меня, лишь это я принимаю, признаю, оправдываю... И сравнивая, исследуя все то, что я могу назвать добром, все то, что имеет для меня ценность, я прихожу к вопросу о высшей ценности, о высшем добре...

Среди этих ценностей Кропоткин указывает на полноту жизни, на полное раскрытие и выявление сил и гармонии, лежащей внутри индивидуальности и в этом направлении он дал необыкновенно ценные результаты. Индивидуальность должна быть цельной и сильной. Но предыдущее развитие человечества поставило эту проблему так, как она стояла у Ницше или в Марксизме. Сильным считался тот, кто был безогляден, неумолим и свиреп, кто имел острые зубы и твердые когти, кто одолевал в борьбе за существование и в конкуренции на рынке, в борьбе классов или в борьбе индивидов. Всякая жалость—сострадание, а стало—быть братство и солидарность, взаимопомощь считались слабостями недостойной индивида. У Ницше мы видим апофеоз человека—зверя, который находит счастье в холодной свирепости, ибо в этом он видит силу и мощь индивида. В Марксизме—роль индивида играет коллектив. Первый идеолог—капиталистической психологии, второй—

психологии государственно-капиталистической. Один утверждает безпощадность индивидуальную, а другой—коллективную.

Кропоткин с удивительной проницательностью понял и с громадной юридичекой доказал внутреннюю ложь такой точки зрения. И прежде всего результат его работы в этом направлении можно формулировать как утверждение, что любовь братство, сострадание есть сила, а не слабость, есть проявление великого могущества, а не признак дряблости, трусости и т. п.

Любовь это-полнота и тот, кто очень силен, очень богат, может делиться своим сочувствием с другими, может любить их... Любовь побеждает и творит, как в мире животных, так и в мире людей. Одной ненавистью и утешением, масилием и властью—нельзя ничего создать, можно только разрушить. Но, далее, сильный человек не нуждается в увертках, во лжи, в лицемерии: он прямо и смело идет куда хочет, куда влечет его сознание им своего свободно принятого долга... Везде и всегда он остается самим собой, ему не нужны маски и ширмы... Правдиво и гордо несет он вперед свое знамя, знамя любви ко всем

людям... ему нечего лицемерить, он слишком силен для этого... Но он знает также, что солнце той правды, к которой он идет, освещает его путь... И на этом пути это солнце освещает всех „и добрых и злых“... Поэтому тот, кто придерживается правил, что ради идеала все средства хороши, что цель оправдывает средства, тот оказывается ярко освещенным и от этого освещения лишь сильнее проступает безобразие средств.

Никогда хорошая цель не может выйти из грязных рук... Отсюда требование, которое П. А. Кропоткин предъявляет ко всякому революционеру—кристальная чистота до конца.

Революционером может быть только идеально чистый человек. Человек же, стремящийся к революции не чистыми средствами—не революционер, а бандит и разбойник...

Истинный революционер должен быть рыцарем без страха и упрека, и примером такого рыцарства является прежде всего сам П. А. Кропоткин, до конца жизни оставшийся верным тому знамени любви и чистоты, которое он впервые развернул еще в молодости.

А. Солонович.

КОНГРЕСС ОКОНЧЕН...

Черная правительственная реакция окутала весь мир. Преследования Анархистов усиливаются повсюду, в особенности же в России и Испании; каждый новый день приносит известия о новых жертвах, новых мучениях борьбы за идеал Свободы: десятки и сотни наших товарищей расстреливаются и бросаются в тюрьмы самым коварным, подлым образом посредством предательств и провокации. Еще зорче блюдут интересы своих господ, авгуры капитализма, ревниво оберегают подразделенные между собой клочки общей-кормилицы, матушки земли, и всеми силами мешают рабам, бунтующимся рабам, почувшшим веяние Свободы и сознающим всю ее неизмеримую ценность, для которых настоящее общество явля-

ется железной клеткой — сойтись и обсудить причины неестественных зол и невыразимых страданий громадной части человечества и выработать метод, изыскать верное средство к уничтожению „порядка“ зла и страданий и к водворению мира, счастья и довольства на земле.

Малы и разбросаны по всему свету бунтарские силы — мал был и Интернациональный Анархический Конгресс. Благодаря пограничным делениям и потому, что Конгресс Анархистов опасен врагам Свободы: капиталистам и правительствам, многие товарищи не могли быть на Конгрессе: Э. Малатеста и Фриджерио делегаты от Италии — были задержаны, не могли перейти границы; Э. Голдман, А.

Беркман и А. Шапиро — после протестов заграничных товарищей выпущенные из России большевистским правительством, были арестованы в Риге на целую неделю Латвийским правительством и недопущены в Германию Германским; делегаты из Австрии не могли приехать, крепко захваченные в когти нужды в громадной голодной тюрьме рабочих — Австрии; Оскаров и А. Шапиро (молодой Шапиро) делегаты от Анархистов — Универсалистов России, арестованы под предлогом соучастия в работе “подпольной группы” (памяти Льва Черного, Фани Барон и еще 8 расстрелянных Анархистов) — все это крайне ослабило жизненность Конгресса и лишило его той определенности и яркости, которой от него ожидали, после 14-и летнего разобщения Анархистов всех стран.

Но как бы то ни было, собравшиеся 42 делегата засели за работу; и в течении 7-и дней столковались по постановленным перед ними жизнью вопросами, наметили общую схему объединенной работы Анархистов всего мира и уладили некоторые, бывшие до сего времени, тормозом успеха Анархического движения, фракционные разногласия.

Вопрос об организации, ее желательности и форме, был блестяще разрешен Конгрессом и Анархисты — Коммунисты в этом вопросе стояли за одно: организацию, и лишь отдельные голоса Анархистов-Индивидуалистов (они довольно сильны в северо-западной Германии и их орган “Alarm” расходится в 40.000 экз.) Германии горячо протестовали против какой-бы то ни было организации, которая, по их мнению, есть враг свободной инициативы и воли индивидуума но они не учитывали той формы организации, которую воспринял Конгресс: свободно федерирующиеся независимые группы свободных индивидуумов — по добровольному соглашению объединяющиеся между собой, они упустили из виду то, что совместная работа возбуждает и поощряет инициативу и что организованные, координирующиеся воли и силы индивидуума являются могущественным в достижении той свободы, свободы творчества, до

суга и обеспеченности, которую мы при всей индивидуальности не можем проявлять в капиталистическом или социалистическом обществе, где мы физически и нравственно опутаны и окружены противными свободе проявлениями власти и эксплуатации.

Конгресс открыто взглянул в глаза действительности и отклонил решение такого важного вопроса, как Анархизм и крестьянство, ибо из тех стран где вопрос крестьянства был поставлен практически в революциях и играл важную роль (Россия, Испания и Италия) не было делегатов, по предложению которых этот вопрос и был внесен в порядок дня.

“Диктатура Пролетариата” и, вообще, диктатура, как средство к достижению Анархического общества, было целиком отвергнуто; и даже сомневающиеся, для которых уроки истории человечества были неубедительны, уверились во вреде общества всякой диктатуры из опыта приношения “революционной” диктатуры в России. Резолюция была кратка и ясна, находя громоздкие обоснования излишними и очевидными.

Вопрос о деятельности Анархистов в профессиональном движении занял большее место и время у Конгресса, хотя мнения не отличались резкими противоположностями и крайностями. Трезво смотря на вопрос, подавляющее большинство Конгресса организованные экономически широкие рабочие массы, в среде которых нам надо идти с пропагандой Анархических идей, и кооперировать в работе нам Анархистам надо с организациями которые по форме и по идеям — или анархистичны или же имеют стремление быть таковыми. Особенно надо обратить внимание на синдикалистическое движение и помочь ему стать Анархистическим. (О резолюции по этому вопросу можно сказать, что она была “отредактирована” после Конгресса до такой степени, что хотя и не противоречит духу Конгресса в общей сложности, в частности параграфов ничего общего к вопросу не имеющих и имеющих взаимно-противоречание).

Было возрождено также и Инт. Ам. Бюро

функциями которого определены: осведомление об Анархическом движении всех стран, соби-
рание Архива движения, издание Бюллетеня,
который, кроме информационной отрасли, был
бы и трибуной для выяснения теорических и
практических вопросов Анархизма. Бюро, при
серьезной и сознательной поддержке товарищей
всех стран, явится могущественным посред-
ником международной связи и единения Анар-
хистов. Без всяких дискуссий и прений была
принята резолюция в том духе, что мы Анар-
хисты-Антимилитаристы и не можем быть сто-
ронниками войны одной народности против
другой, или одной расы против другой.

Доклады о положении Анархического дви-
жения и ходе революции в России, к сожале-
нию, были даны несколько поздно, но тем не
менее они вызвали величайший интерес и уве-
рили делегатов в том, что позиции и выводы
их правильны.

Преследования Анархистов Большевиками
в России и убийства наших товарищей в
Испании вызвало взрыв негодования и реше-
мость всеми революционными средствами по-
мочь и защитить товарищей Анархистов от
зверств правительств России и Испании.

Всколыхнувшееся течение Анархического

движения, после нескольких дней сосредото-
ченного интереса к тому, как Инт. Ан. Кон-
гресс разрешит поставленные перед ним рево-
люционной эпохой проблемы, снова успокаива-
ется, но входит уже в новое русло, старается
пойти по новым путям, намеченным и пред-
ложенным Конгрессом.

Дело Анархистов каждой страны обсудить
предложения Конгресса, указать ошибки, если
таковые есть, а в случае соглашения, — об-
единится в один универсальный союз для более
успешного воздействия и ускорения эволюции
общества, посредством беспрестанной борьбы,
революционной борьбы с остатками отживаю-
щего, к новым свободным формам общества и
взаимоотношения людей.

И уже пора, давно пора, перейти из
области мечтаний о прекрасном идеале Анар-
хии, к практическому приближению к нему,
посредством совместной борьбы всех любящих
Свободу и жаждущих Счастья, и пусть нашим
кличем, ведущим к победе будет:

Да здравствует Всемирный Союз Анар-
хистов! Да здравствует Мировая Анархическая
Революция!

ВИД

Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине 1921 г.

После долгих приготовлений и сборов, при
неблагоприятных условиях общей мировой ре-
акции, собрались делегаты разных стран на
Конгресс.

В воскресенье, 25-го Декабря в зале
Gerverkschaft—hause (доме рабочих союзов)
сквозь шум и гомон многоязычной толпы в
10 ч. 15 м. слышится звонок, призыв деле-
гатов занять места. Рассаживаются... Разно-
образные одеяния и лица... большей частью
грубо-интеллигентные лица рабочих; несколько
выразительных лиц интеллигентов затерялись
в общей массе, как песчинка в море.

Хор, составленный из немецких товарищей,
красиво и внушительно поет Революционные
песни, после чего Р. Остерих, редактор “Дер
Фрай Арбэйтер” открывает Конгресс, по пору-
чению “Подготовительного Комитета”. Снова
поет хор... Р. Роккер говорит вступительную
речь. Говорит горячо и складно, выставляя на
вид нужды и недочеты Анархического движе-
ния, грандиозные задачи, поставленные пред
нами революцией в Европе и необходимость
тесного объединения Анархистов для их раз-
решения. (Речи все полностью будут поме-
щены позднее).

После речи Роккера выбирается президиум 2-х тов. (Рудольф Остерих и Бертолетто — французский делегат) и секретариат (Ричард Остерих и Ф. Плевьер), а также мандатная комиссия (Крауш, Биорклунд и Волгин). Официальными языками принимаются французский и немецкий. Делегатам незнакомым с этими языками помогают, частным образом, другие товарищи.

Принимается порядок дня, предложенный подготовительной комиссией, в том же порядке:

- 1) Составление Конгресса.
- 2) Доклады различных делегаций о движении в их странах.
- 3) Анархизм и организация.
- 4) Анархизм и крестьянский вопрос.
- 5) Так-называемая, Диктатура Пролетариата; авторитарное и свободническое (анархическое) понятие революции.
- 6) Деятельность Анархистов в профессиональном движении.
- 7) Возрождение Интернационального Анархического Бюро.
- 8) Разное.

По докладу мандатной комиссии выяснилось, что на Конгрессе присутствует всего 42 делегата, которые распределяются таким образом:

Франция от "Л. Юнион Франсе" — Ан. Коммунистов (орган "Ле Либертеир" — 4 дел.

Болгария от Ан. Коммунистическо Федерации (подпольный) (орган "Анархист" и "Роботническа Мисль").

Англия от Английских и Европейских Ан. - Коммунистических организаций (орган "Фридом" и "Дер Арбэйтер Френд" — 1 дел.

Соединенные Штаты и Канада от русской группы подпольных Ан. - Коммунистов (орган "Волна", "Фри Сосаети" и "Вильна Громада").

Соедин. Штаты от Школы Феррера и Еврейских групп (орган "Фрай Арбэйтер Стимме") 1 дел.

Италия от "Л. Юнион Анархика" (орган

"Юманита Нова") 1 дел.

Норвегия от "Юнг Социалист Парти") 1.

Швеция от "И. С. П. (орган "Брандт") 1.

Голландия от Интернационального Анти-милитаристического Бюро — 1 дел.

от Ан.—Социалистов — 2 дел. (орган "Фрай Социалист" и "Револьт")

Германия от Федерации Ан.—Коммунистов (орган "Дер Фрай Арбэйтер") 19 дел.

Германия от "Свободных Групп" (индивидуалистов) (орган "Аларм") 5 дел.

от "Союза Свободных Социалистов" 1 дел. из Вестфалии и Рейнланд от "Фрай Бунд" 3.

Кроме того неофициально представляются: Швейцария и Австрия 1 дел. Испания 1 дел. Россия 2 дел. Из Испании было получено сообщение, что благодаря ужасным преследованиям не было возможности прислать делегата и группа Мадрида прислала письменный доклад. От китайских товарищей также был прислан письменный доклад, за невозможностью прислать делегата. Из Аргентины от "Комити Про—Конгрессе Регионал, Аргентина" получен подробный доклад о положении Анархического движения.

Ожидавшиеся из России делегация: А. Беркман, Эмма Гольдман и А. Шапиро не могли получить пропуск в Германию. Э. Малатеста и Фраджерио также в виду полицейских препятствий не могли прибыть.

После доклада мандатной комиссии, переходит ко 2-му пункту порядка дня, и начинаются доклады делегатов разных стран.

В первый день были заслушаны доклады делегатов из Франции, Болгарии и Германии — от Федерации Ком.—Ан. (так-как эти доклады будут полностью помещены позднее, то не стоит занимать место их конспектом.)

Затем заседание закрывается в 7 ч. веч. при чем был принят порядок обычного ведения Конгресса от 9—1 часу, от 3—7 вечера.

2-й день Конгресса, 26 декабря. Продолжаются доклады. Делегаты из Вестфалии требуют, чтобы их доклад также был заслушан и после голосования (которое, между прочим, было совсем неуместно,) один из них

делает доклад. В виду настоятельных требований различных немецких делегаций и индивидов (из индивидуалистов и гостей), чтобы их доклады были выслушаны, председатель вносит предложение, чтобы не убивать времени докладами, а делать их письменно. Предложение не обсуждается, ставится на голосование и проводится. Эта процедура неприятно действует на многих делегатов, ибо ясно замечается фракционная вражда между Ан.—Индивидуалистами и Ан.—Комунистами Германии, которой увлекаются, как первые так и вторые.

После небольшого перерыва приступают к третьему вопросу “Анархизм и организация” и т. Р. Роккер дает вступительный доклад, исторически доказывая, что анархисты всегда признавали организацию (коиспект доклада прилагается особо и в более обширной форме печатается в “Дер Арбэйтер Френд”). Говорит плавно и горячо и особенно критикует индивидуалистов, не признающих организации. Так много делегатов берут слово по вопросу, что председатель делает предложение, чтоб из делегации каждой страны говорил только один делегат. С предложением соглашаются.

Бьерклунд — Швейцария — соглашается с необходимостью и дает очерк организации “Йонг Социалист” которые работают в форме клубов, с небольшим членским взносом, причем члены одного клуба являются равноправными членами другого. Все клубы объединены в федерацию. (Организация очень схожа с Федерацией С. Р. Р. в Америке и Канаде).

Фиста—Франция. Тоже за организацию и предлагает форму Анархической организации группу, район и Федерацию. (Точную копию Федерации А.—К. групп С.—Штатов и Кан).

Каспер — Голландия. Надо практически разрешить вопрос, а потому нужна тесная, крепкая организация.

Бруно — Испания. Нужна революционная организация, и мы должны быть не интернационалистами (т. е. объединяться по нациям), а универсалистами (т. е., мир—одна нация).

Гоассорт. — Франция. Делает внеочередное заявление о внесении в порядок дня, воп-

роса об нашем отношении к большевистскому правительству но ему поясняют, что об этом будет речь в вопросе о “Диктатуре Пролетариата”.

Заседание закрывается в 4 часа.

3-й день Заседания Конгресса.

Вместо 9 часов заседание открывается в 10 ч. и 15 м.

Волгин: делает внеочередное заявление, протестуя против системы голосования, как неподобающий Анархическому Конгрессу и рекомендует вести работу без голосования. В связи с этим доказывает на желательность выслушать все доклады с мест перед обсуждением вопросов, ибо доклады помогут осветить многие стороны вопросов.

Председатель: Не нужно давать устных докладов, время дорого. Ибо все равно доклады будут напечатаны, а если останется время, то можно делать и доклады.

Так как никто из делегатов ничего не говорил, переходят к продолжению дискуссии по вопросу “Анархизм и Организация”.

Гюго Трой — Испания. Отмечает подробность в более тесной организации говорит, что, “Л Юниона Анархика” и “Л Юниона Синдикале” — организации прочные и крепкие и, в то же время, федералистичны и являются одной из форм Анархической организации.

Волгин. Необходимость организации очевидна. Анархическая организация настоящего — слепок с будущего Анархического общества, а потому: группа, район и федерации — вполне независимые — являются типом организации для практики свободных отношений, организация должна быть революционной, как средство к цели

Так поставлена Федерация Ан.—Ком. групп, С.—Шт. и Канады. Организация — это согласованность действий. Нужна более тесная, Интернациональная связь. Интернациональное Бюро явится согласующим началом. Надо шире пользоваться в своих взаимоотношениях свободным договором — о котором так много говорил П. Кропоткин.

Зудбин — Болгария. Только свободная федерация свободных групп может быть формой Анархической организации. Так построена Федерация Ан.—Ком. в Болгарии; там существуют только свободно федерирующие группы, которые даже не имеют особых секретарей, а каждый может вести корреспонденцию и только для заграничных связей установлено Бюро Корреспонденции

Лангер — Гамбург. Резко возражает Роккеру за его нападки на индивидуалистов и говорит против всякой организации. Анархист — это целый и неделимый — а не Ан.—Синдикалист, Ан.—Коммунист или Ан.—Индивидуалист. Важна личность, а не движение; и организация или связь нам нужны только духовные

Что толку, что союзы Италии насчитывают 18.000 человек, но разве они Анархисты. Разве они и ваши организации — силы против громадной Машины угнетения капитализма. Мы не имеем организации, а наш журнал, "Аларм" расходуется в 40.000 экземплярах. (Председатель, ярый Ан.—Ком, и другие немецкие делегаты часто прерывают его возгласами и вопросами; Лангер протестует против несдержанности председателя: "Worte main lieber ich will alles sagen") Не-революционер не может быть анархистом. Анархизм — это свобода. Вы коммунисты, желаете нас подчинить, но мы любим свободу и будем издавать "Аларм" — Мы не хатим, организации.

Г. — Индивидуалисты мешают нашей работе повсюду, они уродливое явление в Анархизме. В Италии группы и союзы сотрудничают, а не соподчиняются и в большинстве своем — анархистичны. Председатель оглашает письменный запрос: желает ли Конгресс выслушать делегата от "Фри Йогенд" (Свободное юношество) и других делегатов из Вестфалии. Вопрос ставится на голосование.

Волгин. Протестует против голосования, неуместного в этом случае и предлагает спросить, согласны ли они дать письменный доклад.

Председатель спрашивает. Делегаты из Вестфалии отвечают "Нет".

Роккер предлагает дать каждому по 10

минут. Все согласны.

Первым говорит представитель от "Фри Йогенд". — Организация "Ф. И." работает для скорейшего осуществления свободного будущего общества. Главной целью является воспитание юношества в духе Анархизма для чего ведется устная пропаганда, а также и печатная, посредством листка "Ф. И." Организация и свободные группы разбросаны по всей стране и проникают в окружающие страны. Протестует против партийности председателя и его излишней "авторитарности".

Председатель, **П. Остерих**, находит это для себя оскорбительным и отказывается от председательства. Его безапелляционность не нравилась всем и никто не протестует. Происходит заминка. Никто не хочет быть председателем. Наконец один из немецких тов. **Петерсдорф**, берет на себя эту обязанность. (**Бертолетто**, другой председатель, отказался еще на второй день, ибо не говорил по немецки).

Др. Голдберг. (Ан.—Коммунист - Эволюционист - Ницшеанец). Протестует против извращения тех, кто против организации. Красиво развивает мировоззрение Анархического - Коммунизма, как любви. А.—К. — для него религия, без него нельзя жить как без воздуха. Группа, в 15 человек, живут свободно общей семьей. В Вене есть еще такая же группа. Дух должен быть выше всего, и Анархизм должен быть учением не только пролетариата, но всего мира, а потому борьба должна быть духовная, а не физическая или классовая. Длинные, до плеч черные волосы, и заросшие черной же бородой лицо, рваные штаны и высокая фигура — все это, как и речь его, мягкая и страстная порой; веяло симпатией и примирением.)

Стефан Бойто — Вестфалия — говорит сбивчиво и непонятно о том, как развивалось и преследовалось движение в Вестфалии. Никто его не слушает и через 10 минут, не сказав ничего важного, он останавливается председателем.

Заключительное слово дается **Р. Роккеру**. Он нападает страстно на индивидуалистов, возмущаясь их эгоизмом и их стремлением к власти.

ясняя их несостоятельность. Оправдывает свою работу в Синдикальном движении, ибо всегда и всюду работает как Анархист, видящий необходимость создания организации. (Лангер кричит: "Du bist doch Syndikalist.") Все иностранные делегаты высказались за организацию и ясно, что организация нам нужна. Предлагает принять резолюцию Французского Конгресса.

Резолюция читается и принимается и после редактирования ее резолюционной комиссией Конгресса, она была принята окончательно в следующем виде:

Анархизм и организация.

Величие и ясность нашего идеала, деятельность, которую мы развиваем, должны сохранить Анархическому движению возможно большее влияние на развитие революции и общественной жизни.

Дабы способствовать победе Идеала Анархизма, необходимо чтобы анархисты сплотились в организации. Таковые должны духовно и материально объединять, как отдельные местные группы, так и федерации провинциальные и национальные, при чем свобода отдельных едениц остается ненарушимой.

Политические партии тесно организованы. Вследствии чего они имеют большее влияние на трудящийся люд. В виду такого положения вещей, мы Анархисты считаем вдвойне необходимым объединение всех наших сил.

Для того, чтобы вести согласно пропаганду в отдельных частях страны, Анархисты объединяются в районные федерации. Все районные организации образуют Анархическую Федерацию страны.

Посредством этого будет достигнуто объединение всех сил Анархистов каждой страны.

Определение форм организации каждой страны, финансирование пропаганды представляется всецело отдельным группам. Но все же необходимо, чтобы каждая национальная федерация регулярно получала бы необходимые средства от соединившихся провинциальных федераций и последние от федеирующих групп. Принципы децентрализма, федерализма и автономности каждой отдельной единицы должны быть соблюдены.

Анархический Интернационал будет финансироваться объединившимися Анархическими Федерациями стран.

(Продолжение в след. номере.)

— 0 —

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ.

Письмо 1-ое.

После бури. — Сомнения. — Осанна. — Земля обетованная.

С чего же мне начать, друзья? Столько пережито, столько передумано, столько перечувствовано за эти ураганные, сверхъестественные годы.. И как пережито, как передумано, как перечувствовано! Всем сердцем и всеми помыслами; всеми нервами и соками; всей плотью и кровью; всем, потрясенным до сокровеннейших тайников, существом... Чем начну я?..

Вы ждете от меня, конечно, груды нового, груды интересного и важного, груды необычайного. Новых и чудесных сокровищ будете вы искать в этих ровных, ничем не приметных

рядах строк... Но — не придется ли мне обмануть ваших ожиданий? Не предстоит ли мне разочаровать вас?..

Ведь я — словно путник, чудесно уцелевший в сокрушительной буре, но выброшенный на чуждые, неприютные берега — одиноким и разбитым; не имеющим, где приклонить голову и чем прикрыть наготу; оторванным и от шума родной стихии, и от былых возбуждений, и от кликов борьбы, и от книг-друзей, и от друзей-борцов... Ведь сокровища мои разметаны бурей, развеяны ветрами и погребены в пучине. Ведь мне самому надо по зернышку искать и собирать их..

Сумею ли я сейчас — одинокий, всего ли-

шенный и закинутый на чужбину — сумею ли я сказать вам слова новые, слова нужные, слова значительные, — слова, которые помогли бы окрылить мысль вашу к новому полету? Сумею ли я сейчас найти такие слова?.. Сумею ли я помочь вам утолить духовную жажду вашу? Сумею ли коснуться сердец ваших, чтобы они затрепетали новым трепетом?..

О, видения мои ярки по-прежнему; силы мои не убыли; и не иссякли речи мои. Переполнена душа моя... И знаю я, что должен скорее, скорее сказать вам все, что видел и хотел сказать раньше; и все, что увидел и еще раз понял теперь; и все, что живет во мне — давно, давно... Но — сумею ли, смогу ли, успею ли построить алтарь мой и возжечь мой жертвенник? Успею ли я раздуть священное пламя?

Сумею ли я, друзья, оправдать ожидания ваши?

* * *

Начнем же с осанны великой буре. Начнем с осанны революции.

Да, я хочу пропеть вам песню победы. Я хочу, чтобы среди нас неумолчно звенел гимн ликования и радости, каких еще не было...

...Ибо, друзья мои, великую победу одержала Анархия.

— Победу — Анархия?! — в изумлении воскликнете вы: — Но, ведь, с революцией покончено... Революция погасла. Революция не привела к желательной цели, не ввела в землю обетованную... Ведь, анархисты оказались не на высоте положения... Анархисты не сумели овладеть событиями... Анархисты разбиты... Поистине — «еще одна такая победа, и от анархизма...».

Да, да... Слышу. Знаю... Не спешите...:

Не я ли сам писал, еще при первых ударах революции, что если дело пойдет путем политики, власти и организации новых правительств, то из него ничего не выйдет, и революция — истинная революция — будет снова погублена? (Да и для всех нас — не было ли это ясно заранее?).

Но — не писал ли я тогда же, что дело,

увы, пойдет непременно и неизбежно именно таким путем? Не предвидел ли я, определенно и заранее, неизбежности временной (и, быть может, более или менее длительной) «победы» — не революции, а именно левых государственных социал-демократов, «революционных марксистов», большевиков? Не говорил ли я, что они, в результате решительной политической борьбы — борьбы за власть, непременно возмут верх и будут у власти?

Предвидел, писал, говорил об этом — определенно, отчетливо.

Итак, для меня не были ни новостью, ни неожиданностью, ни разочарованием «неудача» анархистов и «победа» большевиков. Я предвидел то и другое. И все пережитое мною в русской революции лишь подтвердило мне — ярко и полно — мои соображения и предвидения. (Замечу кстати: этот априорный учет положения, вероятно, одной из причин, позволивших мне не растеряться в буре и твердо устоять на ногах — в то время, столько же не устояли...).

Вдумайтесь теперь серьезно в мое признание.

Ведь, предвидеть «победу» большевиков значило, точнее говоря, предвидеть весь, логически неизбежный, путь «большевистской революции» и ее развития. Это значило предвидеть, что большевики увлекут массы, овладеют революцией, завладеют всей государственной машиной, сформируют правительство, создадут диктатуру партии и лиц, учредят явную и тайную полицию, охрану, цензуру, водворят инквизицию и террор, разможат личность, убьют инициативу, заполнят тюрьмы, раздавят всех и вся — и, конечно, расправятся с анархистами...

И, действительно, я заранее говорил о неизбежности всего этого.

Как часто, — уже во время революции, — товарищи грешили тем, что останавливали внимание исключительно на отдельных отрицательных явлениях, яростно нападали на них и критикуя их без общего объяснения и освещения, без ясного указания на теснейшую логическую

зависимость всех явлений от общего хода вещей, — от всего того пути, по которому революция направилась. Словно явления эти были чем-то чисто личным, случайным, самостоятельным; словно они не были неразрывно связаны с самой сутью дела, будучи лишь ее простым естественным выражением; словно их можно было бы избежать или изменить, не изменяя всей этой сути...

Большевики любили подхватывать примеры такой мозаичной критики, чтобы лицемерно кричать о “безпочвенной критике”, о “голых демагогических нападках” анархистов и т. п. Разумеется, на деле — постоянная основательная и ясная критика была для них еще менее желательна. Однако, удобный формальный повод для лицемерных обвинений доставлялся им не раз, и был ими широко использован.

С другой стороны, как часто, — еще и теперь, — анархисты, подошедшие более или менее близко к большевикам, утверждают, подобно самим этим последним, что, в сущности, плохи лишь отдельные лица и исполнители, отдельные действия, поступки и явления; что имеются, конечно, те или иные — крупные или мелкие — “недостатки механизма”; что эти “недостатки” следует, конечно, “преодолевать изнутри”, и т. д., и т. п.; но — что весь механизм, весь путь, в его общем и целом, был единственно возможен, правилен, целесообразен, исторически необходим, и что именно так надо было “делать революцию”. И они обвиняют других, “непримиримых” анархистов в гибельном, преступном нежелании понять это положение вещей и, вместо “демагогической критики”, помочь советской власти — органическим участием своим — “преодолевать изнутри”...

Здесь кроется, — кстати сказать, — одна из величайших неясностей, на которых мне еще предстоит останавливаться подробно в будущем.

Как часто говорил я товарищам, что их критический метод бывает подчас глубоко неверен и потому бесплоден; что суть дела заключается вовсе не в отдельных дефектах самих по себе; что наша критика, если она стре-

мится к ценным, большим результатам, должна непременно, всегда, настойчиво давать вещам общее освещение; должна неуклонно ставить вопрос именно о всем пути в его целом; должна определенно указывать и подчеркивать, что или весь данный путь в его целом, действительно, истинен, целесообразен, единственно возможен, исторически необходим, — и тогда все, присущие ему, отрицательные явления должны быть “приняты” нами, как простое временное зло, постепенно изживаемое “изнутри”, или — весь данный путь в его целом не истинен, не ведет к цели, не необходим исторически и не единственно возможен, и тогда — полеты, излишние, бесплодные, поистине ужасны, гибельны и потому неприемлемы и самый этот путь, и все, связанные с ним, явления. И наша критика, — говорил я всегда, — должна ясно доказывать, что именно “большевистский” путь весь в целом ложен, ненужен, нелеп, губителен, и именно поэтому приводит к таким неизбежным ужасам. И мы должны тут же выдвигать и обосновывать иной путь революции... Только таким подходом можно дать критической мысли серьезный толчок к правильному толкованию событий, к верным, полновесным выводам и построениям.

Итак, я всегда — и заранее, и впоследствии — предлагал ставить и решать, и сам ставил и решал вопрос о всем пути в его целом, со всеми — логически неизбежными — его последствиями.

О том, какие именно соображения позволили мне, при этом, предусмотреть путь, совершенный до сего дня русской революцией, и несчастные последствия этого пути; о том, далее, почему я, предполагая этот путь конкретно неминуемым, в то же время — ни до, ни в ходе событий — не считал его ни истинным, ни исторически необходимым, ни единственно возможным и, следовательно, находил нужным не “преодолевать изнутри” его недостатки, а, наоборот, идейно бороться против всего этого пути со всей силой и энергией, — обо всем этом мне еще придется говорить впереди, как здесь, в этих “Письмах”, так и в других рабо-

тах, в связи со многими основными и капитально важными вопросами нашего движения.

Сейчас нас занимает другой вопрос.

Предвидя неминуемость "большевистского" пути и его последствий, — на что же, друзья, мог я рассчитывать для Анархии? Каких результатов, каких успехов, каких первых "побед" мог я ожидать для нея?

Только на одно я мог рассчитывать — и рассчитывал — твердо, определенно: на то, что ее внутренняя истинность, ее скрытая мощь, ее глубокая правда подтвердятся теперь ярко и окончательно, — засверкают, наконец, живыми лучами. На то рассчитывал я, что последняя стена, заслонявшая солнце, рухнет; что потрясающая неудача государственно-политической идеи, неудача марксистского "коммунизма" расчистит, наконец, путь для широкого восприятия нашей, анархической, мысли и, следовательно, для грядущего самостоятельного, плодотворного действия масс. Большого я, для начала, не ждал. На большую победу, пока, не рассчитывал.

Вы увидите, впоследствии, почему именно я так думал. Вы увидите также, почему все это несколько не помешало мне выполнить до конца мой долг анархиста и революционера. Вы хорошо поймете тогда, почему я тщательно ставлю в кавычки и "неудачу" анархистов, и "победу" большевиков. Все это станет для вас совершенно ясным впереди. И эта ясность будет иметь немалое значение для ваших окончательных выводов. (Иначе я, конечно, не поднимал бы этих вопросов.)...

Но уже и теперь, после сказанного, — подумайте, друзья, и скажите: не вправе ли я утверждать, что анархизм одержал в русской революции великую победу?

В нашей среде, — в России, — немало говорят теперь о "Кризисе анархизма" и об ошибках анархистов. Там довольно распространены сейчас тип бывших или "кающихся анархистов", бьющих себя в перси, раздирающих одежды свои и посыпающих главы свои пеплом. Они скитаются повсюду с трагически-скорбными лицами и с трагическими вопросами, на которые напрасно ждут ответа свыше. На деле

— они просто никогда не понимали глубокой сущности анархизма, никогда не имели под ногами прочного, солидного анархического базиса, и теперь растеряли тот небольшой багаж, каким когда-то владели. И, подхватываемые капризными ветрами революции, они — эти перекасти-поле анархизма — то кидаются в соблазнительные объятия Великой большевистской Блудницы; то, не дойдя до объятий, испуганные или разочарованные, пятятся назад и стоят, растеранные, среди дороги; то снова бегут к Анархии, и снова выкликают свои недоуменные вопросы...

Скажу прямо, теперь же — без дальнейших, пока, пояснений: "никакого кризиса анархизма" я лично не вижу. Можно говорить о кризисе "революционного марксизма", решительный опыт которого ныне с таким интернациональным треском проваливается... Могут большевики говорить о себе: еще одна такая "победа", — и от большевизма ничего не останется... Анархическое же дело, по тем или иным причинам, в этой революции еще не осуществлялось и, следовательно, не могло еще привести ни к конкретному воплощению идеи, ни к ее кризису.

О, конечно, есть чему и Анархизму учиться у русской революции! Есть и у Анархизма свои изъяны, которые требуют ремонта; свои пробелы, которые ждут заполнения; свои недочеты, которые нуждаются в исправлении. Есть и в Анархизме над чем подумать и что пересмотреть, переоценить. (Странно было бы, если бы этого не было!). И, разумеется, революция дала этому делу переоценки живейший толчок... Но до "кризиса" — здесь очень далеко. И поставить вопрос о "кризисе" могли только растерявшиеся — "кающиеся" и "бывшие" — анархисты.

Итак, "кризиса анархизма" я не вижу. Но "кризис анархистов" в России, несомненно есть. Это последнее явление — совершенно естественно и, к счастью, несущественно. Анархизм от него едва ли что-либо потеряет.. Опять-таки еще в самом начале революции мне приходилось высказывать предположение, что, — в свя-

зи с предстоящими событиями, — многие и многие “анархисты” растеряются и уйдут... Это, действительно, случилось. Но и тогда, и теперь я не находил и не нахожу здесь ничего страшного...

Конечно, анархисты оказались во многих отношениях слабы, неустойчивы, неподготовлены. Конечно, имелись у них и грехи, и ошибки, и недостатки. (Так было, в неменьшей степени, и у большевиков; да и вообще — иначе не может быть; и отнюдь не какая-то особая подготовленность и сила привели к “победе” большевиков.)... Конечно, сильных и стойких оказалось не так много. (Сильных и стойких людей, вообще, не много на свете)... Конечно, все эти обстоятельства сыграли известную роль, и нам еще придется говорить о ней.. Но — в этом ли лежат причины бесплодности революции? Разбит ли тем самым Анархизм? Доказана ли его нежизнеспособность?..

Ну, а если бы анархисты оказались сильнее, устойчивее, подготовленнее? Если бы они совершили меньше ошибок?... Кончилось ли бы дело иначе? Пошла ли бы революция иным путем?

Конечно, нет. Ибо причины, в силу которых революция пошла данной дорогой, — причины многочисленные и сложные, — лежат, конечно, гораздо глубже, чем в “неподготовленности” анархистов и в “подготовленности” большевиков. Нам еще предстоит основательно разбираться в них... Но одна из этих причин — и немалая — у меня сейчас под рукой, в связи с содержанием настоящего письма.

Современные человеческие массы (да, — за редкими исключениями, — и отдельные люди) живут еще, как дети: они не умеют, не могут руководствоваться отвлеченными рассуждениями, принципами, идеями; им и в голову не приходит жить, действовать, поступать так или иначе в силу тех или иных умственных доводов и выводов; они не учатся у теоретических соображений, у науки, у книги, у мысли... Все это для них не показательное... (Да и где им — современным человеческим массам — взять времени, воспитания

и навыка, чтобы научиться жить и действовать согласно доводам теоретической и научной мысли! Хорошо уже и то, что, — под влиянием экономического, технического и, вообще, социального прегресса, — отошло в историю время, когда массы могли быть движимы слепой, наивной религиозной верой... И далека еще от нас эпоха, когда книга станет общим учителем жизни, когда человеческое множество будет руководствоваться чистым знанием... О, задолго до того должна осуществиться социальная революция: ибо только она решительно откроет двери в это истинно-человеческое грядущее!..).

Ныне — массам, в их поисках и в их борьбе, нужны наглядные уроки. Их учат живая жизнь, практика вещей, осязательный пример, непосредственный опыт... Лбом об стену, и — шишка на лбу: вот что убедительно и поучительно для современных масс... (Винить их в этом, конечно, нельзя. Изменит быстро такое положение дел, конечно, невозможно. Отмечу мимоходом, что к вопросу о творческой и организационной способностях масс это положение никакого отношения не имеет, и что делать из него пессимистические выводы в отношении анархизма было бы грубейшей ошибкой — результатом непродуманности. — Подробно о массах и их роли в революции — будет речь впереди).

40 лет излагали, разрабатывались, распространялись — правда, с трудом и недостатками широко — анархические идеи. 40 лет доказывали анархисты с поразительной ясностью, что из опыта государственно-политической партийной революции и соответствующего “контр-революции” и соответствующего “ком-кроме нелепости, ужаса и гибели, не получится. Но, увы, без живого опыта, без наглядного урока и доказательства — широкие массы не могли познать истину. Надо было большевикам, — с помощью благоприятных обстоятельств, чудовищного насилия, подавления и лицемерия, — проделать свой исторический опыт, чтобы массы, ударившись лбом в стену, начали серьезно понимать все бессилие, всю

бесплодность, весь ужас такой революции...

Да, этот опыт должен был быть проделан — неумолимо и неминуемо — в той или другой стране. Через эту неизбежность, через это испытание надо было пройти. Этот урок должен был быть взят... И в наиболее благоприятной для того обстановке находилась Россия...

Ныне этот опыт пережит. Он позади, он позади, друзья!. Последнее препятствие пало. Последняя стена рухнула. Последняя глупость обнаружена. Последняя ложь вскрыта... Как и следовало ожидать, государственный поезд "коммунизма", заслонявший нам горизонт, сорвался с насыпи, и взорам открылся прямой путь к цели... Правда, путь этот еще весь загроможден обломками, сором, искалеченными людьми, трупами... Но расчистить его будет теперь уже не так трудно.

Вот почему, друзья, я говорю о великой победе Анархии.

Конечно, это — еще лишь первая победа; победа скорее моральная, чем реальная; скорее косвенная, чем прямая. Но это, все же — победа. Следующая — реальная, физическая

победа революции будет реальной же победой Анархии. Ее уже не придется доказывать. Она сама будет говорить за себя. Она откроет нам вход в землю обетованную...

Итак, вперед, вперед, друзья, — смело, бодро, уверенно! За дело, за работу, — еще горячее, еще дружнее, еще радостнее!.. За большую, нужную, серьезную работу...

Да, мы еще не подошли к земле обетованной. Мы — человечество — оказались еще не достойны ее.... Но, мы перешагнули через последнюю, через величайшую преграду. Мы приблизились к земле той. Очертания ее ясно виднеются впереди.. И груди наши могут дышать вольнее. И сердца наши могут биться свободнее...

И вот почему, я кончаю это письмо тем же, с чего начал:

Осанна русской революции!

Осанна свершившемуся опыту!

Осанна последней человеческой глупости! раз уже она была суждена нам!..

Шв.

Волин.

АНАРХИЗМ И ОРГАНИЗАЦИЯ.

(Из реферата Рудольфа Роккера, Берлин).

Не удивительно видеть, что на каждом конгрессе этот вопрос ставится анархистами на первый план. И было бы более анархистичным, если бы приверженцы организации и приверженцы не организации оставили друг друга в покое.

Если мы бросим взгляд на старое анархическое движение, то мы увидим, что пионеры анархизма никогда не считали противоречиями организацию и анархизм.

Теперь таковым является индивидуализм, представители которого полагают, что организация и анархизм противоречат друг другу. Каждая личность для которой имеет особое значение фраза: "Для меня нет ничего выше, кроме меня" — является особым делом. Но

развитый индивидуум есть нечто совсем другое. Пионеры Анархизма, которые были вполне развитыми личностями, подчеркивали всегда общественный характер Анархизма, и все они знали, что человек тысячами различных нитей связан с обществом.

Для нас необходимо изыскать синтез между отдельными личностями и окружающим миром..

Благодаря развитию в предшествующем веке рабочих ассоциаций, идеи социализма были переданы в широкие массы трудящихся. Это движение находилось сначала под влиянием Луи Блана, французского "Ласалья", во второй же период находилось под влиянием Прудона, который пропагандировал вместо

дарственной помощи — самопомощь и кооперативную связь рабочих масс. Но Прудон и все мютуалистическое направление стояло на точке зрения организации.

60-е года были периодом борьбы и стремлений. Была основана Международная Ассоциация Рабочих, на левом крыле которой выясняется различие идей и 1868 годом выдвигаются на сцену два вопроса:

1-й Что предпримут рабочие в момент объявления войны?

2-й Какова должна быть основа нового общества?

Ответом на первый вопрос было — Всеобщая забастовка. А на второй вопрос левое крыло Интер. Асс. Рабочих дало ответ: Советы. Германо-Французская война подорвала развитие социалистических идей, вызвала реакцию, которая положила конец развитию могущественной Асс. Раб. и во Франции и латинских странах остались лишь подобные организации. В Германии в это время было введено избирательное право, здесь возникло то социалистическое движение, которое уже не носило больше революционного характера, ожидавшее избавления от парламента. Когда Генеральный Совет Интернациональной Ассоциации Рабочих ввел обязательную избирательную повинность — это означало раскол Интернационального движения.

Государственный Социализм или Свободный Социализм — были спорными вопросами, но никогда не возникал вопрос об отрицании организации. Завещание оставленное революционному движению Бакуниным, гласит: Центром реакции является Берлин — место заседаний социал-демократии и Карл Маркс. Не

обходимо объединение всех сил. Организация и еще организация.

Ни из одной страны, ни из одного лагеря не слышно было голоса против организации.

После Германо-Французской войны остались, вследствие реакции, лишь две возможности — отречение от организации, или продолжать ее в подпольи.

Интернационал насчитывал в то время 3,000,000 человек, из которых приходилось на Германию лишь 300, что очень характерно.

Идеи Интернационала минули Германию не затронув ее. Социал-демократы преобладали в этой стране. Анархисты же очутились в оборонительном положении. Их деятельность была — разрушительная. В их рядах созидательные тенденции еще не нашли отзвука. Но одно является фактом: они были крепко сплочены вследствие бедствий.

И на этой, совершенно не подготовленной почве, вдруг распространяются идеи Штириера и Макая. Идеи Фридендера, Ницше и других постепенно завоевывают внимание. Результатом этого является неизлечимое брожение умов и даже подобное могло случиться, что на одном Конгрессе в Цюрихе возник вопрос: должны ли, Анархисты вообще, признавать обязанности.

Каждый, кто желает жить среди людей, как человек, должен признавать обязанности. Анархизм означает жизнь по свободному договору. Всюду, где действуют силы они должны организоваться — иначе они никогда не достигнут цели. Тоже верно и для Анархистов. Полное объединение сил, Организация Анархистов, является необходимостью для достижения их высших идеалов.

— 0 —

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАШЕЙ ТАКТИКИ.

Террор. (*)

Необходимость террористических актов открыта не нами. С незапамятных времен люди прибегали к этому средству каждый раз, когда

им нужно было отвечать на насилие власть и капитал имущих. С тех пор, как под влиянием сложных причин, о которых здесь не место го-

ворить, люди разделились на имущих и неимущих, на начальников и рабов, существует и это средство самозащиты угнетенных против угнетателей. Следовательно, в этом отношении мы только продолжаем историю, а не создаем ее. Но если террор, как средство борьбы вечен, то характер его сильно изменился, т. к. изменилась сильно цель, ради которой совершается тот или иной террористический акт.

Теперь как то даже вулгарно доказывать, что те неимоверные зверства, которые совершаются русским правительством, естественно вызывают террористич. акты: кроме того это неоднократно было сделано "Р. Р." Вместо всяких слов, приведем лучше одно историческое соображение: всякое правительство есть организованное насилие, охраняющее привилегии правящих классов, и оно пуще всего боится насилия. Не логике уступит буржуазия, а силе, — логикой только насмешишь и позабавишь ее. А раз это так, то без насилия буржуазный строй не может быть разрушен. Отсюда необходимость насильственных мер, и между последними одной из главных является террор.

Возьмите историю любой страны, просмотрите все ее политические и экономические перевороты и вы увидите, что, чем глубже был переворот, тем террористический период, предшествовавший ему, был интенсивнее. Разве история не доказывает нам обилием фактов, что террор является неизбежным атрибутом революционного периода до и во время революции? Мы теперь переживаем как раз такой исторический момент, что отказаться от террора значит отказаться от революционной деятельности, а потому нам приходится признать необходимость и современность террора. К этому нас приводит сама жизнь.

Но несмотря на наше признание террора за необходимое революционное средство борь-

*) Приступая к разбору средств борьбы мы начинаем с террора, не потому, что мы придавали ему первенствующее значение, а потому, что о других средствах мы, хотя вкратце, но высказывались а вопроса о терроре пока не касались.

бы, мы все таки расходимся с другими русскими террористами. У нас нет антибуржуазной террористической партии. Наши террористы прибегают к террору исключительно в виду политических целей. Борьбаться против сатрапов царя посредством террора — это понятно, но вести антибуржуазную террористическую борьбу — это не могут понять наши социалисты-революционеры. Это по их мнению, депо "нетерпеливые мечтатели", т. е. анархистов. *)

Да, мы "мечтатели", и потому мы говорим, что террор есть для нас ничто иное, как частичное предприятие того, что будет сделано революцией, а т. к. революция не может иметь своей целью замену одного правящего класса другим, а разрушение основ капиталистического строя, то и террор, признаваемый нами за революционное средство, должен иметь характер

*) См. листок "Р. Р. по делу Гоца за № 3423 (4 марта) апреля 1903 г.

Анархическая антибуржуазная пропаганда действием, опровергаемая как социалистами, так и большинством анархистов... "(курс. наш). *Maitre, parlez pour vous!* Откуда "Р. Р." взял это "анархическое большинство"?

"...Акты насилия, совершенные в политических свободных странах несколькими анархистами, благодарными, но нетерпеливыми и непрактичными мечтателями..." Да, мы непрактичные и потому мы не знаем существования стран политически свободных. Исключительные законы против анархистов во Франции, в Швейцарии, в Америке (не в настоящее время); Римская Конференция против них же; насильственное закрытие рабочих бирж и избиение и убийства полицией и войсками стачечников и демонстрантов во Франции; расстреливание рабочих, административные ссылки анархистов и других революционеров в Италии; исключительная выдача Швейцарией рабочих и др. революционеров; самая беспощадная попытка анархистов в Испании; господство юнкеров, копорализма и холода по немецки систематического мордобития рабочих в Германии и т. д. и т. д. — все это бывает не раз в политически свободных странах "Революционной России".

антибуржуазный и антигосударственный в одно и тоже время.

Террор, определенный таким образом и употребляемый против всего существующего строя, может принять различные формы: он может проявиться в виде индивидуального акта, или же в виде фабричного, аграрного массового террора.

Бывают моменты в истории, когда власть и капитал имущие с особенным цинизмом давят народ. Не скрывая свою алчность, не довольствуясь ролью простых кровопийц, они глумятся над павшими жертвами, попирают ногами все человеческие достоинства революционера, павшего в борьбе за лучшее будущее, медленно вытравливая из него жизнь насмешками и пытками. И было бы печально, если бы в подобные минуты из народа не выделился человек — сын народа — способный дать стряску всем этим завравшимся господам.

Бывают так же моменты, когда правительства, с целью застрашить революционеров, решаются на сильные жестокие, подлые поступки. *) Кто не помнит, с каким нахальством Каповас, испан. министр, восстановил инквизицию для анархистов? Как изощрялись уполномоченные буржуазией, придумывая новые виды пыток для анархистов, заключенных в тюрьме Манжуих, приобревший такую печальную известность? Народ, который в подобные минуты, не способен выделить из своей среды человека, могущего привести в исполнение приговор и тем самым напомнить всем этим алчным хищникам, что и терпению народа есть конец, вряд ли может совершить революцию, или вряд ли стоит на пути к революции. Вершители гнусных актов хорошо понимают, что издеваясь таким образом над всем, что свято революционерам, они этим бросают им вызов. Это хорошо понимали испанские инквизиторы. В подобную минуту нельзя не принять вызова, это было бы вдвойне выгодно правительству: оно примет наш отказ от дуэли за

*) Факты изнасилования в русских тюрьмах и пытки анархистов в Испании с циничною утопченностью (сдавливание половых органов).

выражение нашей слабости, а во вторых правительству хочется знать, способны ли революционеры чемнибудь реагировать на его зверства, и если в это время революционеры останутся пассивными, правительство, не встречая никакой оппозиции, и в особенности, не боясь наскочить на мстителя, с большим цинизмом будет продолжать свою инквизиторскую деятельность. В эту минуту народу нужно через кого-нибудь привести в исполнение свой приговор. Совершенный в такую минуту личный акт будет средством коллективной самозащиты и террорист станет исполнителем народной казни. *)

“Господа!” — говорил Анжиолило, казнивший Кановаса. — “Вы видите перед собой не убийцу, а исполнителя казни.

“Долгие годы я следил за событиями в Европе. Я изучал положение Испании и других стран, которые ее окружают: Португалии, Италии, Швейцарии, Бельгии, Англии. Мои занятия и мои симпатии постоянно меня приводили в соприкосновение с бедным рабочим человеком. Всюду я встречал страшные картины нищеты. Всюду я встречал одни и те же слезы. Везде наблюдал одни и те же революционные настроения и надежды.

“Повсюду так же убеждался в черствости сердец богатых и у власти стоящих людей и в их презрении к людям.

“В это же время я узнал, что в Испании, в этой классической стране инквизиции еще не умерли инквизиторы. Я узнал, что сотни людей, заключенных в тюрьме, отныне получившей печальную известность, подвергнуты были истязаниям. Я узнал, что против них были употреблены всевозможные средневековые пытки и кроме того то, что дала новейшая наука. Я узнал, что пятеро из них были убиты, что 70 других осужденны на ужасные наказания, а те, невиновность которых была доказана, были изгнаны из отечества.

“Тогда, господа, я сказал себе, что такие ужасы не должны оставаться без возмездия. Я

*) Употребляемое нами слово казнь не следует понимать в якобинском смысле.

стал искать тех, кто ответственен за них. Из за жандармов, исполняющих роль палачей, офицеров, исполняющих роль судей, и всех тех, кто исполняет чужие приказания, я увидел того, кто их дает.

“В глубине своего сердца я почувствовал непреодолимое чувство ненависти против государственного деятеля, управляющего посредством террора и пыток, против министра, посылающего на бойню тысячи и тысячи солдат и разоряющего народ поборами и налогами, который мог бы быть счастливым в своей чудной, богатой и плодотворной стране, против этого наследника Калигулы и Неронов, преемника Торкватулы, последователя Стамбулова и Абдулы Гамида, против этого чудовища — Кановаса, — и я счастлив и горжусь тем, что избавил от него землю.

“Разве дурно убить кровожадного тигра, который когтями разрывает груди и своими челюстями отрывает головы людей? Разве преступление раздавить ядовитую голову?

“Если принять в соображение совершенные зверства, моя жертва была хуже сотен тигров и ядовитых голов. В ней было олицетворено все самое позорное, что заключается в религиозном изуверстве, военной жестокости, незаконности суда, тирании власти и алчности владеющих классов.

“Я избавил от этого чудовища Испанию, Европу, весь мир. Вот почему я не убийца, а исполнитель казни.”

Таким образом, в подобных условиях личный акт получает характер вполне заслуженного мщения революционеров за зверства угнетателей. В такие минуты это единственный возможный ответ народа, но ответ грозный, доказывающий его жизнеспособность. Личный акт, совершенный свидетельством активной революционной ненависти ко всему тому, что угнетает и что будет угнетать. Мы долго любили, любовь оказалась бесплодной, теперь нам нужно ненавидеть, но сильно ненавидеть.

Другое значение террористического акта мы видим в его агитационном характере. Хорошо иногда показать народу, что и г.г., веду-

щие “райскую жизнь” смертны. Историк Мишле рассказывает, что карьера Рабешьера была кончена, когда “зеваки, дошедшие до его обожания”, узнали, что и он смертен.

Слух об убийстве тирана, разрушая торжество лакейства, в миг разносится по всей стране и даже индифферентных вызывает на размышление. Пропаганда, сделанная террористическим актом, будет огромною, в особенности, если террор не был совершен с какой-нибудь “дворцовой” целью; если он не был совершен, желая вырвать власть у другого сословия; если он был совершен не с желанием заменить плохого тирана хорошим, а твердою и сознательною рукою, убивающего тирана за то, что он тиран, за то, что он является представителем капитала и власти имущих. Пусть всякий властитель и эксплуататор знает, что его “профессия” связана с серьезными опасностями; и если, не смотря на это, найдутся люди, желающие сыграть роль собаки буржуазии, то они этим самым приобретают право на смерть. Повторяем: для того чтобы индивидуальный террор мог иметь агитационное значение, нужно, чтобы он применялся в защиту угнетенной половины человечества. При совершенных условиях приговор этой последней не имеет другой санкции.

Если правительства санкционируют свои приговоры посредством белого террора, то почему народу не прибегнуть для защиты своих интересов к красному, революционному террору?

Что касается прямых непосредственных результатов, то вряд ли личный террористический акт может иметь какое-нибудь серьезное последствие. На место убитого тирана сядет другой. Но огромное революционное значение личного акта от этого несколько не уменьшится. Мы знаем из истории, что в этом процессе свержения одного тирана другим народ учится ненавидеть, его революционное построение принимает все более и более определенный характер, и рано или поздно в нем зародится, наконец, желание совершить казнь в таких условиях, чтобы она стала казнью последнего тирана.

Но с точки зрения непосредственных ре-

зультатов, нельзя считать личный акт обреченным на безусловную бесплодность. Кто может отрицать, что "гении зла", Торквемада, Калигула, Нерон, Победоносцев и Кановас с большим цинизмом и с большим талантом выполняют свою роль вампиров, чем какиенибудь маленькие тираники и, следовательно, их "изъятие из обращения" может принести непосредственную пользу. Правительству не легко найти людей, с таким совершенством воплощающих в себе, религиозное изуверство, военную жестокость, незаконность суда и алчность имущих классов", как выше названные изверги человеческого рода.

Но, не говоря о крупных тиранах, бывают моменты, когда с "чистой педагогической целью" является прямо необходимым "изъять из обращения" некоторых из самых мелких представителей власти; иногда приходится свести счеты с старшим мастером, надзирателем или другим какимнибудь, слишком усердным холопом господствующих классов. Что касается шпионов, то "изъятие их из обращения" посредством террористических актов, является наилучшим способом борьбы с ними — это будет иметь огромное педагогическое значение.

От самых крупных тиранов мы перешли к самым мелким, отсюда отнюдь не следует выводить заключение, что мы чтим презрением средних тиранов, находящихся между этими двумя категориями. Конечно, нет, и это тем более, что из всех форм террористической борьбы, децентрализованный и разлитой террор мы считаем наиболее выгодным и целесообразным. При такой постановке участниками борьбы могут быть масса лиц, которым при централизованном терроре, где выступают только несколько избранных, нет места. Эти лица при децентрализованном терроре могут представить собой ядро для созидания местных самостоятельных групп, ведущих террористическую борьбу с местными властями. Такой натиск на врага со всех сторон больше смутит и дезорганизует его, чем борьба только с центром, или с одним или с двумя высокопоставленными лицами. Борьба против местных властей, против приставов, губернаторов, сборщиков податей и всех тех, ко-

торые подходят к народу с целью грабить и обманывать его, завлечет большое колич. местного населения; совершенный против них террористический акт не потребует особых толкований. Всякий сумеет понять причины, вызвавшие его; найдутся и апологисты акта п. ч. какое другое чувство народ может иметь ко всем этим своим притеснителям, кроме чувства ненависти!

Пускай каждая губерния, каждый уезд, каждая волость имеет свою охотничью команду, которая постоянно будет нападать на врага, с целью дезорганизовать его, смутить, сбить с позиции. Такой разлитой террор может объять всю русскую землю, на страх и трепет всем крупным и мелким тиранам. Сознательный террор будет содействовать "изъятию из обращения" тех, которые особенно люты и жестоки с народом, и которых по этому народ ненавидит и желает их гибели.

Для такого разлитого террора найдется место и в городе и в деревнях. Практика такого террора уже стихийно началась у нас. Многочисленные покушения послед. года на местных властей: на приставов, полицмейстров и др. достаточно ярко нам говорит об этом.

Вот в каких словах "Народные Листки", №8 предсказывали о неизбежности у нас такого террора:

"Теперь-же полем борьбы явится не только город, но и деревня, и фабрика, и мастерские; противниками же их будут все те, от которых так или иначе, народу житья нет. Террористы будут снимать с народной шеи тех, которые особенно к нему люты, несправедливы и жестоки. Они являются как бы исполнителями народных приговоров и мстителями за поруганные народные права!!

Таким образом мы видим, что индивидуальный террористический акт может иметь тройное значение: как мщение, как пропаганда и как "изъятие из обращения" особенно жестоких и "талантливых" представителей реакции. Что же касается того, чтобы шадить стоящих на самом верху террористической лестницы, якобы неотвественных или слабоумных, то мы должны

сказать только одно: исключить из числа людей, имеющих право на смерть и только на смерть, какихнибудь тиранов, какую бы кличку они не носили — короля, царя, султана — мы считаем совершенно не логичным.

Показав, надеемся не двусмысленно, наше отношение к личному акту, мы считаем нужным прибавить, что революция и революция социальная не может быть совершена несколькими пудами динамита, а только восставшим народом, с оружием в руках. И потому мы думаем, что везде, где только можно, нужно заменить личный акт коллективным; даже попытку коллективного акта предпочтеш осуществлению личного акта.

Приступая к разбору коллективного террора, т. е. террора, совершаемого не отдельной личностью, а целой коллекцией лиц, мы начнем с фабричного террора и постараемся показать на нескольких примерах что мы понимаем под этим последним. Возьмем прежде несколько примеров из истории рабочего движения за границей. Вспомним события 1892 г. в Гомстеде (в Соед. Штатах), закончившиеся убийством директора фабрики Файрка русским евреем Беркманом. Дело началось с того, что рабочие, доведенные до крайности своим ужасным положением, объявили стачку. С первого же дня Файрк вмешался в дело с сусердием, достойным лучшего удела. Он оскорблял и унижал тех, которые день тому назад покорно позволяли себя эксплуатировать; подстрекал вызванных для умирения стачечников солдат стрелять в них; запугивал правительство, рисуя стачку, как начало гражданской войны. Одним словом, благодаря этой усердной “деятельности”, его энергии, его “гениальности в жестокости”, произошли кровавые столкновения забастовщиков с собаками власти и капитал имущих. Несмотря на героическое сопротивление рабочих, они были подавлены самым ужасным образом. Все эти унижения, насилия кровопролитныя не могли быть оставлены без ответа, и в голове Беркмана создался план убийства этого хищника Файрка. Прибыв на место жительства этого последнего и пробродив два дня

около его конторы, он, наконец, уловил удобный момент, вошел в контору и тремя выстрелами из револьвера “изъял из обращения” виновника убийства целого десятка отцов семейств. Беркман явился исполнителем задушевного желания рабочих.

Другой пример, яркий образчик фабричного террора, нам дают события, сопровождавшие стачку рудокопов в Англии в 1893 г. Рабочим стало не в моготу переносить голод и холод, оскорбление и унижение, и они, наконец восстали, но восстали с твердым желанием бороться. Они прекрасно знали, кто их враг, и напали на самое его чувствительное место: они атаковали карман своего хазяина. Все постройки на шахтах были разрушены, канцелярия обращена в прах; подземные галереи частью разрушены, частью завалены всякой всячиной; были попытки затопить их водой. Склады были сожжены, запас угля частью был вывезен в квартал бедных и роздан, частью полит керосином и маслом и подожжен. Окружающее пространство осветилось заревом пожара, предвестником будущей гражданской войны — единственная форма войны, которую социалист может считать неизбежной и необходимой. Стаечники искали и хозяев шахт, но они удрали заблаговременно, кто в Скандинавию, кто во Францию, словом, кто куда мог. Т. ч. если не было случая убийств владельцев шахт, то только потому, что они спаслись все бегством. Это был в полном смысле слова терроризирующий и разрушающий акт. В этот день буржуа и власти вместе молились о спасении шкур своих.

26 января 1886 г. были аналогичные события в рудниках Деказвилья. Над шахтами были произведены приблизительно такие же операции, как и вышеописанные. В довершение всего деказвильские рудокопы казнили эксплуататора Ватнера.

И наконец, Бакинские события этого года, совершенные народом без руководства какой бы то ни было партии, могут служить примером, хотя и бледным, фабричного террора.

Мы могли бы еще цитировать несколько фактов, но и указанных достаточно, чтобы по-

казать, что фабричный террор не есть тактика, внесенная в среду рабочих извне. Он подсказывается рабочим самою жизнью. В самом деле, кто рабочему враг более лютый, более жестокий, чем тот, кто эксплуатирует его и днем и ночью, чем тот, кто убивает его медленною смертью в подземных галереях, чем тот, кто его нищетой и слезами покушает свое благосостояние и радость, кто создает условия порождающие чухотку и проституцию, от которых гибнет все он-же — рабочий и его жена и дети, чем тот, наконец, кто отрицает за ним право на науки и искусство, на жизнь? Это враг — хозяин, эксплуататор. Рабочий видит его каждый день в мастерской, на фабрике, на шахте, на заводе, и что же естественнее того, что в нем зародится, наконец, желание взять ружье, нож, или свою “родную дубину” и начать бить, бить беспощадно, бить до смерти, поразить в сердце всех этих торжествующих негодяев: монархов, т. е. буржуазию, и ее слуг: царей, президентов, министров и всех защитников современного строя и фабрикантов законов, увековечивающих рабство угнетенных, всех “всех этих вампиров, которые смеются над его нищетой, живут на его счет, гнут его спину и за все это платят ему пустыми обещаниями...”

Как рабочий — раб на фабрике, так крестьянин — раб на поле; но как рабочий, так и крестьянин начинает узнавать своего врага и без посторонней помощи, сам находит средства борьбы. Убийство князя Урусова и Гагарина ясно показывает это. Ясно показывает это и Гурийский крестьянин, который, вздернув на плечи свое родное “мачахелай” *) двинулся против тех самых князей, которые расхищали его силы и энергию в междоусобных войнах. Нож или дубина русского крестьянина и ружье грузинского были направлены в одну и ту же цель, — они поражали крестьянских грабителей и угнетателей. Мы

*) Мачахелай — ружье старой системы. Когда гуриец говорит с некоторым удалством, он называет так всякое ружье.

уверены, что еслибы социал-демократизм, который является ввозным товаром в Грузию, не потерял бы пыл гурийского крестьянина, сходного по складу ума и темпераменту с андалузцем испанцем, борьба эта проявилась бы с большей силой. Но даже отравленный отчасти пропагандою сторонников теории: “все существующее разумно” и “подождите, пока капиталистический строй созреет до своего отрицания”, грузинские крестьяне узнали своего врага и не дожидаясь исполнения предсказания Гегелевской тринды, почувствовали необходимость отделаться от него. Нам рассказывали очевидцы, как гурийские князья умоляли бунтующих крестьян: “возьмите все, только не трогайте нас, дайте нам попрежнему спокойно выходить и гулять по белому свету”.

Цель фабричного и аграрного террора — довести фабриканта и землевладельца именно до того, чтобы они молились только о спасении своих шкур. Гурийцы уже сделали это.

Из истории анархизма мы можем привести крупные примеры аграрного террора. Возьмем андалузские события 1892 г. Во втором № нашей газеты мы уже говорили о тяжелых условиях жизни андалузского крестьянина, теперь мы не будем касаться этого, а просто опишем события, вызванные этим бедственным положением. В ночь с 8-го на 9-ое января 1892 г. в город Херес ворвалось 600 человек анархистов с криком: “Да здравствует анархия! Смерть буржуазии!” Это были крестьяне, вооруженные, кто как мог; большинство имели огнестрельное оружие. Среди андалузских крестьян анархизм зародился еще во времена М. Бакунина, и с тех пор число сторонников анархизма все растет. В 1881 г. Андалузия считалась уже гнездом “крестьянского анархизма”. Но вернемся к описываемым событиям. Условия арендования земли, вообще условия, созданные крупными землевладельцами в Андалузии, поистинне чудовищны. И вот крестьяне решились стряхнуть свое вековое иго, разогнуть свои согнутые спины. Они сговорились со своими городскими товарищами

произвести в описанную ночь нападение на город, одновременно с внутренней и внешней его стороны. К несчастью полиция пронюхала о готовившемся нападении и арестовала 60 горожан стоявших во главе движения. Но крестьяне не растерялись и в количестве 600 человек дружно двинулись к центру города, убив по дороге двух особенно ненавистных им тузев капитала. Они разгромили и разнесли местную казарму, выломали двери тюрьмы, освободили заключенных, потом атаковали городскую управу, с целью сжечь там все находящиеся бумаги, узаконивающие современные экономические и правовые отношения, "разграбили" некоторые богатые дома и магазины *). Господствовавшая паника не описуема, говорили депеша того времени, земледельцы и хозяева страшно терроризированы. Каждый из них старается посылнее забарикадировать двор своего дома. Некоторые же поспешили заблаговременно "изъять себя из обращения", убежав за тридцать земель.

Всякий прогресс есть отрицание своей исходной точки и пока, "дух отрицания" недостаточно в нас развит, чтобы разрушить

*) Укажем тут же на аналогичные факты, имевшие место в Буковине (Австрия) в 1887 г., где крестьяне террористическими нападениями на замки феодалов страшным образом терроризировали этих последних. Затем в Сицилии (в Черде) в 1891 г. крестьяне отказались платить подати, атаковали городскую управу, сожгли все находящиеся там бумаги, нужны только собственникам, разрушили тюрьмы, освободили заключенных.

Одним словом, мы видим, что Бакунин, к которому мы смело можем приметить слова, сказанные Шекспиром о Бруте: "жизнь его была благородна и элематы ее составляющие были так чудно скомбинированы, что природа могла сказать вселенной: это был человек!" Бакунин, так не благородно оклеветанный социал-демократами, еще не умер. "Вечно движущееся начало, лежавшее в глубине его души", все еще живет, и крестьяне, как бы сговорившись, всюду свои попытки освобождения совершают "по рецепту" Бакунина.

то, что нас угнетает, всякие толки о свободе совершенно праздны. Нельзя осуществить свободу без разрушения рабства, а в деле разрушения, само собой разумеется, перчаток надевать не приходится. Поэтому повторение и вызывание событий, подобных тем, которые мы описываем выше, должно быть постоянной заботой человека прогресса в настоящем смысле этого слова. Наконец, история нам показывает, что без таких фактов социальный прогресс не совершится. Изучите происхождение ночи 4-го августа, приписываемое панегиристами буржуазии самоотверженности и доброте сильных, того времени, и вы увидите, что эта знаменитая ночь была сделана крестьянами, сжигавшими замки феодалов, уничтожившими купеческие крепости и всякого рода грамоты, вешавшими грабителей своих, а не напускною и лицемерною добротою разных Ламетов и Монмораней. Или же возьмите освобождение наших крестьян. "Царь освободитель" никого не освобождал, — не для освобождения кого бы то не было существуют цари! И эта реформа не добровольно была дана сверху, а была вырвана крестьянским революционным движением. Кто подробно изучал события, предшествовавшие освобождению крестьян, тот не может сомневаться в той громадной роли, которую сыграл в этом "освобождении" аграрный террор. Только в период от 1836—54 г. насчитывается 144 случаев убийств помещиков и 75 покушений.

Вот как наши предки боролись за то, что они называли "своими правами", и нам, живущим в начале XX века, следовало бы поучиться у них революционной энергии. Метод борьбы не изменился с тех пор, и если мы хотим осуществить наши права, мы должны прибегнуть к тем же средствам. Без борьбы, без крови крупные перемены неосуществимы. Без вышеуказанных героических актов, без выстрелов, без ударов ножа, без помощи традиционной крестьянской косы мы и теперь бы еще гнули бы наши спины под игом средневекового рабства. Нужно иметь достаточно смелости, чтобы сознаться в этом.

Письмо заграничным товарищам от группы анархистов России.

Дорогие товарищи!

В связи с необычайным ростом теории и практики марксизма, под именем большевизма, должна быть ясно сознана и максимально выявлена теория и практика его антипода — анархизма.

Система крайней государственности, система авторитарного коммунизма, считавшаяся всегда анархистами худшей системой деспотизма и порабощения, уже начала воплощаться, в жизнь в национально-государственном масштабе и пропагандируется, как единственно-возможное средство (в международном) для достижения будто-бы тех же целей, какие преследуют сами анархисты. Между тем, никакая реклама власти и всех ее настоящих и будущих благодеяний, не может скрыть того, что, с каждым шагом развития государствен-

Кто революционер, тот должен желать революции со всеми ее последствиями. Не достаточно только любить и жаждать свободы, нужно еще бороться и в борьбе употреблять средства, могущие нам дать свободу. И не нужно бояться, народа, не нужно бояться, что крестьянин, раз сорвался с цепи, пойдет слишком далеко, то ему не будет удержу. Не надо бояться “лишнего убийства” со стороны народа. По отношению того класса, который веками угнетал его, он как бы ни старался, не может проявить “лишнего убийства”. Как бы ни были жестоки в день революции угнетенные капиталом и властью, угнетатели все-таки останутся у них в долгу за муки, причиненные им в продолжении долгих веков. Не надо бояться всех этих “страхов!” Надо идти в ряды угнетенных, слиться с ними, работать с ними вместе, чтобы соединить все формы борьбы в один грозный массовый террор, который снесет в область гнетущих воспоминаний весь капиталистический строй.

—О—

ного коммунизма, сфера подлинной общественности максимально выявляющейся с развитием революции — база анархизма неуклонно суживается. Новый государственный Молох поглощает целиком одну область общественной жизни вслед за другой и стирает с лица земли все внегосударственные общественные союзы и всякие возможности их свободного развития, с чем может не сравниться частно-капиталистическая монополия и общая государственная власть перед тем не останавливается титаническая мощь полного обсолюта и монополиста всей жизни — “государства Левиафана”, “государства переходного времени”. Естественно, в это время идеология анархизма объявляется величайшей опасностью и государство не останавливается ни перед чем, чтобы не дать возможности анархистам проявить себя, чтобы покончить с ними. — Порой в развитии государственности наступает заминка, ее гнет ослабляется, однако лишь за тем, чтобы этот гнет мог успешно усилиться в дальнейшем.

Основная задача государственного коммунизма, превратить все общество в сплошное государство. Идеалом этой системы является такое положение вещей, при котором рабы друг-друга и целого потеряли бы всякую способность самосознания и реагирования против укоренившегося деспотического строя. Тогда государственная машина достигает своего совершенства, она сможет работать бесшумно, даже без особых государственных органов. Государственно - крепостнический быт станет “perpetuum mobile”, или как учит марксизм, государство “отомрет”. Такова — имманентная историческая необходимость — по концепции марксизма.

С точки зрения анархизма, такое положение вещей должно означать неминуемую гибель общества. Фикция “отмирания государства” — должна дать реальную смерть общества. Это должны раз навсегда понять анархисты и все

им сочувствующия.

Они должны ясно осознать, что следовать по путям государственников значит идти на самоубийство.

Вот почему выступая со всей энергией против строя частно-капиталистической монополии и буржуазного государства, анархисты и все их антиавторитарные единомышленники, ни на одну минуту не могут забывать и своих основных задач по предотвращению величайших опасностей — реализации всепоглощающего государства — хозяина и абсолютного деспота.

Как бы ни сближала анархистов борьба их против капитала и буржуазного государства с авторитарными партиями и союзами, анархисты ни в коем случае не могут смешиваться с государственниками и затушевывать свой непримиримый антагонизм с ними: наоборот, анархисты обязаны самым определенным образом противопоставить свое революционное учение, всем авторитарным теориям, реакционным по своему существу. Это противопоставление должно быть прочно зафиксировано в сознании широких масс соответствующей пропагандой. Анархисты обязаны тщательно разобличать мнимую анти-авторитарность государственников "par excellence", нередко искусно жонглирующих в своих воззваниях, резолюциях и даже программах отдельными фразами анархического и анархо-синдикалистического характера. Достойный ответ должны встретить государственники, зовущие порой анархистов и им сочувствующих забыть свои принципы и подчиниться их гегемонии.

Истинные революционеры всегда поймут, что фразы об "объединении революционных сил", "единстве революционного фронта", исходящие порой от большевистских партий и организации, означают ничто иное, как подчинение революционных сил, всего революционного фронта — государственникам и их вождям.

Опортунистические элементы, развивающиеся под влиянием большевизма в рядах анархистов и синдикалистов, должны встретить надлежащий отпор. Нужно знать, что вступившие на наклонную плоскость авторитарности, скатят-

ся по ней до того, что выступят вскоре против прежних единомышленников более рьяно, чем старые государственники.

Необходимая решительная изоляция оппортунизма с первых зачатков его развития в рядах анархистов. Какой бы шум не подымали государственники их подголоски и как бы не упрекали они анархистов, что причина их идет на пользу будто бы общим врагам, анархисты могут быть уверены, что всякая надлежаще построенная деловая революционная причина анархизма, если она направлена против новых властей и хозяев, уже тем самым объективно не может быть полезна старым, она затягивает не верхушку а надрубает корни существующего строя.

Итак, одной из самых насущных задач международного анархистического движения является самое тщательное и отчетливое противопоставление анархизма и всех примыкающих к нему антиавторитарных течений — болшевизму. Это противопоставление и обособление со стороны анархистов должно вестись в широком масштабе, как в идеологическом, так и в организационном отношении, в особенности поскольку широкие массы Западной Европы и Америки свои симпатии к русской революции переносят не большевизм. На ряду с этим в связи с ростом большевистских партий и организаций насущно — необходимо усиление общей работы анархистов: развитие движения, не только количественно, но и качественно, расширение движения на все области общественной жизни, разработка конкретных планов революционной работы в каждой из них, распространение и укрепление организационной связи в работе, серьезная подготовка не только для разрушения старых основ, но и создания жизни на новых, возможно большее объединение усилий для осуществления крупных революционных задач, вместо распыления их по мелочам и т. д. Но помимо всего этого для свободного развития анархического движения, необходим тщательный учет сил и деятельности государственников и своевременное принятие особых мер предосторожности от их покушений на

революцию, на независимую общественную деятельность анархистов, как до переворота, в момент его совершения и в особенности после него.

Легкомыслие, граничащее с преступлением против революции думать, что как бы ни произошел переворот и кем бы он ни был произведен, все само собой сложится самым лучшим образом.

Государственники, готовясь и участвуя в перевороте, выступают тесно сплоченными рядами, с определенным планом боевых действий, разработанных стратегией, определенной системой развития военных, политических, экономических и других органов, вплоть до установления определенных кандидатов на соответствующие посты. Если анархисты, вместо всего этого, будут иметь лишь общие благие намерения и не сумеют фактически противопоставить государственным и своим надлежаще развитых организаций и конкретных мероприятий, заранее не подготовясь к тому чтобы обезопасить революцию и дать в случае надобности надлежащий отпор всем покушениям на ее свободное развитие, инициатива и выдержка останется в руках государственников, анархисты и все их единомышленники будут застигнуты врасплох, смяты и подавлены новой государственной машиной, снабженной, заранее подготовленными и усовершенствованными органами самосохранения и угнетения.

При этом нужно иметь в виду, что государственники ставят себе задачей использовать анархистов и всех им сочувствующих, бывают готовы даже, в критические моменты вступать с ними в определенные договоры. Идя на это государственники самым решительным образом однако начинают готовиться к этому, чтобы покончить с анархистами при первой возможности весьма безцеремонно.

Анархистов и всех их единомышленников, ждет самое жестокое поражение, если они доверяться договору с государственниками, которые рассматривают всякий договор лишь как ни к чему не обязывающий клочок бумаги, полезный иногда, чтобы лишь использовать его как ширму

для лучшей ликвидации противника. Некоторые анархисты все еще мечтают об использовании самих государственников и их организаций для целей революции. С этой утопией необходимо покончить раз навсегда. Государственники абсолютно непригодны для осуществления анархических задач, их организации, без полного их разрушения, не могут быть реформированы в желательном направлении. Для осуществления задач анархистов ни в коем случае не может быть речи не только о вхождении в ряды государственников для совместной работы, договорах и блоках с ними, но и вообще об определенной поддержке их.

А анархисты и их единомышленники для достижения своих целей должны идти своими, независимыми, антиавторитарными, федералистическими путями, как бы трудны они ни были и заранее должны сделать все, чтобы быть готовым во всеоружии дать отпор не только желтым — но и красным хозяевам и диктаторам всех их козней. Если же это не будет сделано и все необходимые мероприятия не будут предусмотрены, анархистов и всех единомышленников ждет то же, что случилось в России. И если для успеха международного революционного движения не неизбежны жертвы, пусть по крайней мере жертвы русского революционного движения вообще и анархистического в особенности, будут искупительными жертвами.

Русские опыты большевистской диктатуры пусть останутся незабвенными и тем послужат надежной гарантией успеха всем борцам за вольный мир анархии и коммуны!

До здравствует международное анархическое объединение! Да здравствует революционная борьба, творчество анархизма!

Москва, Июль 1921 г.

— 0 —

Вы ведете войну? Вы боитесь своего соседа? Так уничтожьте пограничные линии, — и у вас тогда не будет соседей. Но вы хотите войны: потому то вы и начертали пограничные линии.

Ницше.

О ТОМ, О СЕМ.

На всемирном Анархическом Конгрессе, русскому Анархическому движению, было уделено самое глубокое внимание. И здесь со всей наглядностью вскрылся весь ужас положения в России вообще и положения анархистов в частности. Была принята резолюция, призывающая всех рабочих мира и всех тов. анархистов, выступить в защиту русских анархистов, всеми имеющимися в их распоряжении средствами. была также принята резолюция, категорически отрицающая совместность анархизма с какой бы то ни было диктатурой.

Со слов других русских товарищей и по моим личным наблюдениям, положение в России рисуется в следующем виде: пресловутое "изменение экономической политики" является ни больше ни меньше, как отходом от всех принципов, видвинутых октябрьским переворотом. Идет бешенное насаждение "государственного капитализма" по словам Ленина, а на деле — заправского частного, давно знакомого нам, капитализма, с образованием новой формы буржуазии и всех ее атрибутов. На первый взгляд может показаться, что в городах жизнь оживает, "бьет ключом", так сказать; но это потуги возврата к прошлому. Радость старой и новой буржуазии по поводу одержанной безкровной победы — лихорадочный румянец на щеках чахоточного больного. На ряду с этим — громадная страна с разрушенным в конец хозяйством разными "продразверскими", "продналогами", "гутповинностями" и про.; не бывалый голод в Поволжье, где в "урожайные" годы по три раза брали "продразверстку" и этим обнищало крестьянство; разрушенный транспорт, индустрия и промышленность. Все это создало невыносимое положение. Но к великому протесту вся масса страны теперь неспособна. Крестьяне в деревнях обессилены почти непрерывными восстаниями, и терроризированы карательными отрядами. Рабочие в городах придавлены "своей собственной" диктатурой, изнурены непрекращающейся голодухой и вынуждены все свое

внимание, все импульсы направить на выживание насущных средств — жизни. В силу этого, они вынуждены прибегать даже к такому способу, как хищение предметов на фабриках. Интеллигенция, запуганная до нельзя, тоже молчит. Большевики, пользуясь этим, всю свою дику реакцию направили против живых сознательных революционных сил страны. Анархисты, левые эсеры, меньшевики, максималисты и друг. — все смешаны в один узел под общим названием — "контр-революция". И, как всегда, все опортюнисты, чем больше они изменяли революции и народу, чем больше они призывали русскую и иностранную буржуазию к творчеству "социалистических устоев жизни", — тем с большей злобой и ненавистью обрушивались они на своих политических противников. В особенности, на левые партии, как "претендентов на престол" и на анархистов, как непримиримых врагов деспотизма и диктаторов всех мастей и красок.

Покрыв себя, как революционеров, несмываемым пятном при заключении Брест-Литовского договора (их первый акт измены революции), которым они поставили себя в зависимость от Германского Империализма, они разгромили в Москве, Петрограде и остальной России все анархические организации. Предательски нарушив договор с Махно, где они обязались освободить из тюрем всех анархистов и не мешать свободной пропаганде анархических идей, они в конце 1919 г. арестовали почти весь анархический съезд в Харькове, в том числе и Ольгу Таратуту, Волина, Барона и других самых лучших наших товарищей. Сотни раз, каждая их измена сопровождалась разгромом анархистов. И в настоящее время, изменив "экономическую политику", они по знаку данному Лениным опять принялись за уничтожение анархистов. Лев Черный, этот гигант-борец с детски-чистой, лучистой душой и Фаня Барон были спровоцированы самым наглым образом и расстреляны, а с ними вместе еще восемь человек. В связи с этим арестованы

еще масса наших товарищей. Также спровоцирована и арестована целая организация Анархо-Универсалистов, якобы причастных к подпольной организации Льва Черного. Сотни отдельных товарищей по всей великой Руси арестованы и брошены в тюрьмы без предъявления обвинений, без следствия и суда — просто по произволу властвующей партии. И чисто стало на Руси.. Крамола (мятеж — по словам Троцкого) начисто выметена. Выметена почище, чем старинными метлами опричины Ивана Грозного. Кто рострелян, кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто по “особой милости” выслан за-границу. И мертвая тишина воцарилась над страной, где еще так недавно неудержимо-властно кипела революция. Печати нет.. Общественное мнение убито.... Только порой раздается треск ружей — то наши новые жертвы: “преступники и контр-революционеры”... Да раздается еще порой стон голодающих по тюрьмах анархистов и других мучеников за величайшие стремления человечества.

Тише... В России, истекая кровью, умерла Революция, которая возбудила столько лелеянных надежд и упований, которая открыла собой такие необозримые горизонты для всего мира, — задушена руками “друзей пролетариата!”

Да, большевики повинны не только в гибели Русской Революции — они виноваты в

гибели Революции Мировой. Ибо своим беспощадным центром, своей всеубивающей властью под фирмой Советов и диктатуры пролетариата, разнузданным разгулом комиссародержавия, они убили всякую свободную инициативу, всякое свободное творчество масс России и оттолкнули симпатии трудовых масс всего мира. Весь мир чутко прислушивался и трепетно ловил вулканические звуки Русской Революции — и гибель ее, была гибелью упований всего мира.

Мировой капитал должен быть очень благодарен большевикам за свое временное спасение.

Единственно, что дала миру Русская Революция — это урок. Урок этот свидетельствует, что даже революционной партия, захватив власть, постепенно превращается, сущностью самой этой власти и логическим ходом событий, в реакционную силу.

Кровавый урок... Но над ним должны глубоко задуматься пролетариат и крестьянство всего мира, если они не хотят отдавать понапрасну неисчислимые жертвы.

Мы же анархисты, собирая вновь свои разбитые силы, учитывая урок Русской Революции и свои собственные ошибки, должны еще больше увериться в правильности наших идеалов, в их конечную победу, и с еще более радостным упоением ринуться в бой за Великую Анархическую Коммуну. Саша — Петр.

— 0 —

КАВКАЗЕЦ.

(К истории анархического движения в России).

“Кавказец” — так звали инициатора и командира черной анархической гвардии в Москве в начале 1918 г.

В октябре 1917 г. я впервые встретил его на митинге делегатов Московской анархической федерации — в старой конторе федерации на Крымском вале номер 9. Он был делегатом от анархической группы из Сокольники — отдаленной части Москвы. Он был одет, как и большинство

делегатов, в теплой поддевке, в хороших сапогах, и на голове геройски виднелась теплая черная папаха. Он был необыкновенно высокий, почти самый высший, за исключением Льва Черного; лицо его имело немного страдальческий вид, глаза глубоки и остры. Волея-неволей чувствовалось, что этот человек таит в себе много энергии.

В теоретические вопросы он мало вмешивался,

на конференциях он большей частью молчал и только предлагал свои услуги для той или иной практической работы. Он руководил агитацией и пропагандой среди московских рабочих, как один из них, как свой, ибо он тоже работал на фабрике в Сокольниках.

Я знал его настоящее имя, но, к сожалению я его забыл и это не так важно, ибо он всем известен как „Кавказец“. Еслибы я даже назвал его имя, то все равно никто не знал-бы о ком идет здесь речь, но „Кавказец“!—это ведь замечательная сторона Русской революции, это ведь кусок анархической истории, это ведь анархический „генерал“!

В середине октября 1917 г. мы, т. е., Иванов, „Кавказец“ и я, отправлялись домой после лекции Гордина в университете Шанявского и по дороге разговорились о прошедшей и предстоящей еще борьбе.

Имя „Кавказца“ он получил потому, что он грузин и родом с Кавказа. Там, на Кавказе, он в молодые годы познакомился с анархизмом и стал анархистом. В его работе по распространению анархизма среди грузинских рабочих и крестьян, он натолкнулся на царскую полицию и был арестован. Он бежал и снова был арестован, но его силу и желание пропагандировать идеи анархизма нельзя было сломать и его освободила только разразившаяся в 1917 г. революция из его последнего заточения где-то в центральной России.

Кавказец имеет богатый материал об экспроприациях 1907-1914 г.г., которые он, как истый грузин, ревностно защищает. Все подробности об экспроприациях, как и борьба против нападений полиции, вплоть до самоубийства некоторых из участников—необыкновенно интересны сами по себе, но к рабочему движению они не имеют отношения и мы пройдем мимо них.

Кавказец не переубедил меня и я остался тем же непоколебимым противником всех экспроприаций.

В Москве в то время, в 1910 г., не было речи об экспроприациях, и „Кавказец“ исполнял обыкновенную анархическую работу—устраивал ми-

тинги, лекции, продавал и распространял литературу и организовывал на каждом заводе новые группы. Но, как-то чувствовалось, что его тянет к борьбе, к более „сильной“ работе..Он считался „боевиком“ и хорошо знал военное искусство, ибо он сам был также офицером в царской армии. Со всеми „военными“ вопросами федерация обращалась к нему—и он был признанный анархический „фельдмаршал“...

И когда Московская анархическая федерация решила 29 октября 1917 г. захватить большую типографию, находившуюся в одной из задних частей города, где печатались реакционные Кюрниловские листки, как „Фонарь“ и др. то руководителем отряда для захвата типографии был назначен „Кавказец“. Чувствовалось, что вот—вот вспыхнет восстание против Керенского, и Московская федерация постановила захватить большую типографию для того, чтобы не добиваться у нового правительства разрешения на право издания газет и книг. И эта типография была намечена потому, что здесь печатались самые грязные реакционные листы и ее непременно надо было захватить...

Но федерация опасалась, что большевики могут сделать тоже самое и анархисты могут прийти поздно,—то было сейчас постановлено послать вооруженный отряд в редакцию, который должна написать и приготовить к выходу и печати на следующий день первую ежедневную анархическую газету в Москве—„Анархия“. Одновременно была послана делегация к Московскому совету, состоявшая из т. т. Соколова и Бармама, для того чтобы получить мандат от совета на захват типографии. Вычислено было, что отряд и делегация от совета с мандатом придут в типографию в одно и тоже время.

Вооруженный отряд состоял из солдат Двинского полка, который был на стороне анархистов, и значительной группы федерации. Редакция состояла из Германа Оскорова, Ильи Черного, Фира Гордина и автора этих строк. Было около двенадцати часов ночи, когда мы вышли из федерации. На дворе было холодно

и убийственно темно, ибо уличного освещения совсем не было. Мы видели тень извозчика, но лошадей, везших нас в типографию, мы не видели. Типография находилась далеко от федерации, и наш путь тянулся медленно. Странное чувство меня охватило—что ожидает нас, какая газета выйдет завтра, что произойдет завтра в стране, что даст народу этот новый этап-революции,—вот эти вопросы и десятки других—кружились в моей голове, и сердце отвечало и стучало непрерывно.

Мороз пробирает до костей, ноги коченеют от сиденья на одном месте, а лошади тянутся убийственно медленно... Вдруг, мы издали замечаем свет приближающегося автомобиля и мы слышим, как товарищи на первых извозчиках перешептываются, и как только автомобиль поровнялся с нами, раздается голос „Кавказца“: Стой! „Запоздавшим откуда-то буржуа приказано было пересадиться на извозчика, а мы переселись в большой автомобиль и приказали шоферу направиться по адресу типографии.

Прибыв на место типографии, узнали, что делегация с мандатом от совета еще не явилась. Проходит пол-часа, и товарищи начали выказывать нетерпение и сделали предложение, чтобы сей час же захватить типографию, а мандат пред'явить рабочим и администрации позже... Так и было решено. Мы поставили сторожевых на улице, а остальные вошли внутрь типографии. Типография имела пять телефонов и мы приставили к ним своих товарищей, чтобы никто не мог связаться с внешним миром. „Кавказец“ об'явил рабочим, что типография переходит в руки Московской анархической федерации, и что две почти законченные реакционные газеты должны закрыться, ибо сегодня ночью страна переходит в руки советов. Кто-то из типографии ставит вопрос, имеем-ли мы мандат от совета, и вдруг впереди выступает представитель московских молодых анархистов, восемнадцатилетний гимназист и, показывая револьвер отвечает ему, что „вот вам мандат!“ Рабочие типографии были возбуждены и начали протестовать против угрозы револьвером, и они

заявили, что без мандата от совета они не приступят к набору анархической газеты. Положение наше было плохое, непристойное. Гимназиста мы тотчас же отправили дамой, и мы извинились за нетактичный шаг молодого анархиста; мы уверили рабочих, что мандат от совета скоро придет и что типография забирается нами в интересах рабочих, а не вопреки им.

Наши политические враги из типографии нагло использовали этот достойный сожаления случай, и рабочие ничего не хотели предпринять без мандата от совета. К сожалению, мандат получился в четыре часа утра—в то время, когда большинство рабочих ушли домой. Мы тотчас-же принялись за работу и анархически настроенные наборщики начали набирать. Статьи не были подписаны, и так как было уже поздно, или лучше сказать—рано: шесть часов,—то решено было напечатать только одну сторону газеты. И на следующий день была выпущена „Анархия“ —замечательная газета, которую я когда-либо видел и принимал в ней участие. Отпечатанные пятьдесят тысяч экземпляров были на руках расхвачены. Двенадцать товарищей должны были сосчитывать большую грудку бумажных денег, вырученных за газету.

На следующий день федерация созвала большой митинг, на котором была избрана редакция из двадцати человек, в том числе Новомирский и выше отмеченные, администрация и комиссия для переговоров с рабочими. В последнюю комиссию были избраны Оскаров, Бармиш и я. Мы пришли в типографию, которая охранялась вооруженными анархистами, во главе с „Кавказцем“. Комитет рабочих поставил, чтобы мы встретились в типографии на следующий день утром. Оскаров и Бармаш ушли дамой, а я решил остаться ночевать в типографии, ибо было поздно, да к тому же, я два дня уже не спал.

Но не успел я уснуть на ящике с набором, как меня разбудили и уведомили, что типография окружена юнкерами, которые требуют, чтобы анархисты сдали оружие и возвратились домой.

Мы тотчас же телефонировали в совет и в федерацию и нам ответили, что ведутся переговоры с представителем Керенского в Москве и возможно, что обе стороны сойдутся без кровопролития. Совет просил анархистов в типографии ни в коем случае не употреблять оружия и оставаться в типографии, так как все уже будет сделано.

Но ничего не было сделано. Переговоры тянулись до тех пор, пока не перешли в ужасную, кровопролитную борьбу. Мы очутились в плену, без пищи и только с водой. Товарищи из федерации, везшие нам пищу, были перехвачены юнкерами и не могли к нам подойти. Мы голодали три дня. „Кавказец“ показал, что он не только горячий революционер, но также искусный военный знаток и стратег, и он разставил наших постовых на хороших пунктах. Нас было в плену около девяносто человек. Первые два дня можно было прорваться через цепь юнкеров, но совет все просил не проливать крови и ждать... Четвертый день голодовки привез с собой ультиматум юнкеров: сдать оружие и типографию в две минуты, в противном случае, они будут стрелять. Юнкеры должны были занять типографию, ибо они находились между анархически вооруженной типографией (они думали, что бог весть, что анархисты имеют в типографии...) и советом. Для них было опасно оставить анархистов в типографии.

На ультиматум анархисты не ответили, и вскоре посыпались на нас пули и бомбы, и мы думали, что все здание рухнет... Понятно, что большого сопротивления против организованных юнкеров нельзя было выставить. „Кавказец“ давал сам и приказы и инструкции великолепно, но что могли сделать около восьмидесяти человек с малым количеством оружия против сотен организованных юнкеров с их лучшими ружьями, пулеметами и бомбометами. И благодаря именно юнкерскому бомбомету, находившемуся на крыше Румянцевского музея и безжалостно осыпавшему нас бомбами, мы должны были сдаться.

Я никогда не забуду момента, когда буйный

юнкера с обнаженными саблями и пистолетами, вбежали в типографию. Они рубили вправо и налево... Девять наших раненых товарищей были отвезены в больницу. Группу здоровых, среди них—Кавказец; увезли пленными в Кремль, где они просидели шесть дней на хлебе и воде, пока юнкера не были побеждены и разогнаны.

Впоследствии анархисты там оставили типографию, ибо там оказалось много служащих, и федерация не могла предоставить всем работу.

„Кавказец“ был освобожден и явился в федерацию с мыслью организовать черную анархическую гвардию, чтобы, в случае нужды, иметь на кого положиться. Не только анархисты, но и большевики были с этим согласны и они снабдили черную гвардию оружием и провиантом.

„Кавказец“ был командиром и он великолепно учил своих черно-гвардейцев, и когда большевики впоследствии приступили к разоружению анархистов, то черная гвардия оказалась для них твердым орехом...

Как ни искали они „Кавказца“, но они его не нашли, и впоследствии он совсем скрылся из Москвы. Прежде царизм искал голову „Кавказца“, затем юнкера Керенского и впоследствии большевики... Живет ли еще анархический „фельдмаршал“, или он сложил свою буйную голову—я не знаю, ибо десятки фронтов нас впоследствии разделили. Но „Кавказца“ всегда будут помнить как оригинального и замечательного человека.

Гр. Р.

Пер. с евр. Л. Л.

—0—

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛ.

1) Тов., кто имеет №№ Жур. „В“ от 1-го и до 7-го просим прислать таковые в Ред. Кол.

2) Последние отчеты в №№ 25—6 показывают расход агитационного фонда, но в фонде ничего не последовало. Просим тов. на ближайшем собрании обсудить этот вопрос, ибо израсходованы литературные деньги.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА.

Подтверждают, что т. Леон Черный арестованный в Сентябре, зверски задушен в тюрьме чекистами... (Письмо из Германии.)

Сражен борец!... Один из лучших
Наш светоч истины угас
И скорбь потери невозвратной
Внезапно посетила нас.....

Ты не погиб в бою открытом,
(Тогда-б не возмущались мы),

Но был рабами власти тайно
Задушен в камере тюрьмы.

В наш век, расцвета капитала,
Вся жизнь твоя была—борьба,

За светлый призрак, за идею:

Раскрепощения труда.

Ненависть к власти и господству

Ты лицемерно не скрывал,

А где лишь мог, всегда открыто.

Их пред толпою обличал.

Врагам ни подкупом, ни лестью

Не удалось тебя смутить

И мощный дух, как ни старались

Тюрьмой да пытками сломить.

Покойся друг!.. Тебе клянемся

Мы не оставим тех начал

И воплощать их в жизни будем,

Что ты живя, нам завещал.

С. В.

—0—

АНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Корж Барет.

(Продолжение).

Глава 2-я.

ПОЧЕМУ МЫ АНАРХИСТЫ.

Удивительно какими трудными проблемами занят народ, хотя он даже никогда и не мыслил о самом простом вопросе на котором они основаны. Например: мы часто слышим группы людей дискутирующих с величайшим энтузиазмом вопрос о налогах. Один говорит мы должны облагать налогом иностранцев, тогда как другой заявляет, что делая это мы только увеличим цены на наши пищевые продукты. Безконечные факты и цифры возрастают с обеих сторон и вопрос принимает характер национальной важности.

Анархист, в начале всего этого, начинает думать, а потом предлагает; раньше чем мы будем спорить о том кто должен платить налоги, мы должны лучше продискутировать, что такое налог и кто имеет право и основание, кого бы то не было, облагать ими. В таком же виде мы находим аргументы, самого обработанного

характера, о голосовании. Это рассматривается как предмет серьезной национальной важности, может ли человек со щекотдой быть допущенным к голосованию или нет, в то время как ведется ревностная борьба со стороны женщин, которые заявляют, что раз они должны подчиняться закону, то они имеют право и делать его. Эти люди, также, в место начала, начали думать в середине своей задачи. Сколько из тех, которые имеют самое определенное мнение о том кто должен голосовать, задали себе вопрос — что такое голосование? Во всех великих политических вопросах мы находим то же самое. Когда дискутируют о том, кто должен управлять Ирландией, мы начинаем спрашивать, почему кто либо должен иметь такую власть? Когда они говорят о налогах на собственников, мы задаем вопрос, почему на собственников? Таким родом пока политиканы занимают свои головы сложными теориями реформ, революционер держит свою голову совершенно чистой, если он хочет ограничиться тем, что совершен-

но необходимо, и начинает рассматривать общественные вопросы с самой простой стороны.

Факт есть тот, что правительство является лишь исполнительным комитетом правящего класса, налоги есть источник его финансов. Землевладельцы и капиталисты те люди для которых оно (правительство) сохраняет землю и средства производства препятствуя производителю пользоваться ими. Если бы современный капиталистический класс был заменен чиновниками назначенными правительством для контроля над нашими фабриками, то это никогда бы не привело к революционному перевороту. Чиновникам нужно было бы платить, и мы можем положиться, что, на их привилегированных местах, они захотели бы хорошего вознаграждения.

Нужно было бы платить политикам, а мы знаем и их вкусы. Вы в сущности имели бы класс производителей диктующий производителям условия на которых им разрешается пользование средствами производства. Оно точно, что не ладно в современной системе общества, но мы видим, что и государственный контроль не был бы исцелением а только бы принес с собой ворох новых неприятностей.

Это не может быть ясно понято, что никакая система правительственного контроля — это значит какая бы то не была система исключая анархическую — в лучшем не сможет сделать ничего хорошего, кроме навязывания народу политиканского понятия об обществе. Для примера предположим, абсолютно идеальное социалистическое государство, где все члены парламента в согласии, а их единственный объект только благополучие общества. Как правительство, или исполнительный комитет, или административный корпус, или как там они себя назовут — это будет по их соглашению, я думаю, что они предпринимут два главные обязательства. Первое, чтобы снабдить всех всеми необходимостями жизни; второе, что-бы устроить для рабочих такие благоприятные условия в которых они могли бы производить. Теперь предположим, что одна часть рабочих не соглашается с правительством на эти “благоприятные

условия” (потому что рабочий видит фабрику совершенно с другой стороны чем политикан), что последует? Политиканы, мы скажем, не согласятся на условия, которые им кажутся не соответственными, следовательно эта часть рабочих выйдет на забастовку. Они (часть рабочих) успевают до предела причинения серьезного недостатка того продукта, который они производят. Политиканы ответственны за снабжение этим продуктом, и они не могут допустить, что-бы все общество страдало от безрассудного (по их мнению) действия крайнего меньшинства.

Из всего этого очевидно, что под государственной системой общества, будет-ли это современный капитализм или же более совершенный привительственный контроль социалистического государства, существенное отношение между управляемыми и правящими, между рабочими и контролером будет то же; это отношение, сколько бы оно не продолжалось, будет поддерживаемо кровавым зверством полицейской палки и солдатской винтовки.

Вы не можете налить новое вино в старые бутылки.

Учреждения современного общества, основанные на подчинении рабочих, должны быть свергнуты, потому что они не выдержат духа свободы, который соединит будущее общество. Если бы мы хотели дальнейших доказательств кроме тех, которые снабжены логикой позиции то они могут быть найдены в вопросе, так часто направленном на анархистов: что вы будете делать с человеком, который не будет работать?

Вывод, конечно, тот, что спрашивает правительство и обыкновенно социалист имеет метод обхождения с ним. Чем может быть такой метод, которого анархист так же не имеет, кроме насилия? Не является ли забастовщик самым главным человеком, который не будет работать? И не явится ли вопрос, поэтому, при насилие, что насилие будет употребляться недовольными, для того что-бы заставить их занять надлежащее им место в обществе? Конечно, что сегодня капиталист вынужден про-

водить своих солдат для того, чтобы заставить своих рабов идти обратно в фабрики; но не может ничто быть более ясно, чем тот факт, что в каждом обществе, где будет центральная контролирующая сила, будут употребляться такие-же средства для сокрушения повстанцев. Вот почему мы анархисты.

Мы уже видели как не неизбежно мы пришли к этому заключению, и один за другим рабочие диспуты, прошедших лет, показали нам теорию на практике; и все вместе логика и факты привели нас к одной великой истине, истине на которой основаны все надежды революционной деятельности.

С каждым днем это делается все очевиднее, тем не менее (признается только сравнительно, не многими. Есть много таких, которые верят, что рабочий зависит от капиталиста — правящего класса; но есть немногие — они революционеры, — которые сознают, что правящий класс совершенно немогущий сам по себе, а самым подлым образом сидит на

шее рабочего. Если рабочие откажутся работать, то он (правлящий класс) не сможет ничего сделать до тех пор пока ему не удастся соблазнить кого либо из рабочих оставить свои должности и идти разстреливать своих возставших товарищей.

Рабочие являются единственной созидательной, живой силой в обществе, и на этом основании, они будут те, которые приведут общество к революции и возрождению. Их задача — конструкция и пересоздание, тогда как крайне беспомощные правительственники могут только замедлять шествие прогресса, уговаривая некоторых рабочих забыть их законную задачу и принять участие в разрушении; в настоящее время они имеют, для этой цели, громадное число наемных рабочих.

Эта истина крайней зависимости капиталистов и правящего класса, в действительности, является начальным пунктом революции.

(Продолжение в следующем номере).

— 0 —

Н О Ч Ь И Б У Р Я.

(Из тюремных песен).

Тишь. Унылое молчанье
Крепко спит тюрьма,
Бури грозное рыданье
За окном — и тьма.

А нерадостные мысли
Над душой больной
Черным саваном повисли
Злобною толпой.

О, как долго, как глумливо
Длится эта ночь.
О как страстно, как тоскливо
Сердце рвется прочь.

Прочь туда, где раздаются
Бури голоса,
Мысли, чувства жгуче рвутся
Хоть на пол-часа.

О, ты, ночь, о, ночь немая,
Ты когда пройдешь?
О, ты, скорбь души глухая,
Ты когда замрешь?

Иль быть может вихрь летучий
Дунет посильней
И развеет мрака тучи,
Боль души моей,

И нерадостные мысли,
Что оравой злой
Цепко, влстно понависли,
Рея надо мной.

Нет ответа! Тишь. Молчанье...
Крепко спит тюрьма.
Взрывов бури содроганья
За окном — и тьма..

Саша Петр.

БЕЗРАБОТНЫЕ.

В городе шумном, толпами
Бродят рабы без оков;
Ты это—люди безработный
Жертва культурных веков.

Ходишь близь фабрик безмолвных,

Глядя с тоской на них,

Робко стучишься в конторы

Молишь напрасно глухих.

Голод—безжалостный голод

Мучит тебя, ты идешь

К двери бесплатных столовых

В линию нищих встаешь.

Личности где же свобода,—

Гордость твоя, человек...

Кто в тебе столь дорогого
Чувства порывы пресек?
Просишь того—кем веками
Был ты везде угнетен..
Полно просить!.. Не довольно-ль?
Требуй—что сам произвел!.

Если-б хоть раз, в самом деле,
Силы свои ты сознал,—

Мир бы незримый доселе

Жизненный строй увидал.

Смело используй же время

Мощным порывом стряхни.

С плеч ненависное бремя

Власти тиранию ты.

С. В.

—0—

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

Ответ т-щу Независимову.

Хотя тов. Независимов, в своей статье, “О революционном синдикализме”, помещенной в 24 номере “Волны”, как возражение на мою татью, “Кое-что о синдикализме”, — требует ответа, главным образом, от Федерации А—К Групп, однако же я дерзаю от себя лично ответить тов. Независимову несколько слов.

Прежде всего, считаю нужным заметить, что моя статья, “Кое-что о синдикализме”, для большей легкости дискуссии, была разделена на три части. Первая часть, как неимеющая определенного отношения к синдикализму, носила нейтральный характер и, следовательно, не могла быть дискуссионной: дискуссионными были лишь вторые части. Однако не смотря на это, главные удары тов. Независимова именно и направлены на эту нейтральную, ничем незащищенную часть статьи. Поэтому приходится здесь немного остановиться.

Думается, что тов. Независимов не ста-

нет отрицать существования, как экономической, так и политической борьбы (существуют и другие борьбы, но мы здесь будем говорить только об экономической и политической). Так же, вероятно, тов. Независимов согласится и с тем, что обе эти борьбы, являясь отдельными и во многом одна от другой независимыми инстанциями, направлены против одного и того же врага-капитала. Сам факт одновременного существования политической и экономической борьбы, свидетельствует, что каждая из них в отдельности, не простирается по всему фронту борьбы с капиталом. Простираясь, которая нибуд из них по всему фронту — другой пришлось бы стать на положении пятого колеса в телеге, а следовательно, лишеной самой жизнью, возможности существования. Лишнее не может существовать! Стало бы, если обе они (борьбы) могут одновременно существовать, то это значит, что каждая из них в отдельности, включает в себе часть

то целесообразного, при помощи которого нельзя быть лишним. Но так как этой целесообразности, в обеих из них заключается лишь часть, то ни одна не может претендовать на полное ее совершенство.

Быть может, на первых порах, покажется смешным, чтобы анархисты находили что то целесообразное в политической борьбе, но фактически это так. Из того, что анархисты не принимают (санкционированного законом) участия в политической борьбе, не следует заключать, что это борьба для иных является полным безразличием. Анархисты ведь — полные атеисты, с религией ничего общего не имеющие, а между тем, они радуются всему тому, что подрывает абсолютизм в области религии. Еще больше анархисты радуются подрыванию абсолютизма в области политики. А раз они в одном случае радуются, а в другом печалются, это значит они заинтересованы в самой сущности борьбы. А где заинтересованность, там и целесообразность. Целесообразность для анархистов может вытекать лишь из одного источника — из отрицания существующего строя. Существующий строй, как известно — плох, несправедлив: уничтожение этого строя является главной задачей анархизма, поэтому, все заключающее в себе его уничтожение, тем самым удостоивается целесообразности.

Признавая за целесообразность отрицание существующего строя — легко можно определить и величину этой целесообразности. Для этого нужно только хорошенько взвесить самое отрицание и, вопрос ясен. Целесообразность всегда должна быть пропорциональна тому, следствием чего она является, т. е., в данном случае, должна быть пропорциональна отрицанию существующего строя. Таким образом, анархисты взвешивая, на основании отрицания существующего строя, политическую и экономическую борьбу — видят, сколько каждая из них заключает в себе целесообразности.

Здесь нет надобности повторять, что экономическая борьба целесообразностью превосходит политическую, что интересы анархистов более родственны экономике чем политике (об

этом я писал в первой статье), но необходимо заметить, анархисты, не смотря на свою заинтересованность главным образом, в экономической борьбе, в то же время, очень метко пускают стрелы в политическую цитадель капитализма. Убийства министров, губернаторов, чиновников и т. п. сами за себя свидетельствуют.

Для более точного определения всего вышесказанного, приведем пример того же самого характера, к какому прибегал тов. Независимов. Представим себе поле военных действий. При нынешнем укладе вещей, картина будет такая: по одну сторону фронта — позиции капитализма, по другую — политической и экономической борьбы (повторяю, что здесь речь исключительно о политической и экономической борьбе). Разве теперь капитализм не будет представляться в виде сказочного великана, отражающего атаки, одной рукой в политической области, а другой — в экономической? Разве тут борьба политическая или экономическая не будет представляться борьбой против ноги или руки человека, не касаясь его туловища? Вот почему я говорил, что такой борьбой, в высшей степени, трудно победить капитализм, что для того, чтобы его победить, необходимо повести борьбу по всему фронту, а таковой борьбой является анархизм.

Перейдем теперь к статье тов. Независимова. Во всей статье, несмотря на ее обширность (это один из недостатков статьи), не видится ни капельки искренности, ни горесточек душевной привязанности к тому, что автор защищает. Все написано на авось да небось, вследствие чего есть основание полагать, что тов. Независимов просто хочет испытать мысли другого. Однако, как бы то ни было, будем разбирать статью по-порядку.

Заметив, что вопрос о синдикализме занимает место беспрерывных дискуссий, тов. Независимов утверждает: "Анархисты старой школы не сумели доказать нелогичности, несущественности, бесполезности широкого экономического рабочего движения, развиваемого в духе антигосударственном. Сама история до-

казала, что революционное массовое противогосударственное движение с каждым днем расширяется и крепнет, тогда как традиционный анархизм (т. е. 80-х годов), почти испарился — расплылся". Такое утверждение, человека с анархическим мировоззрением, в высшей степени необычно. Тут поневоле напрашивается вопрос: где и когда анархисты доказывали бесполезность широкого рабочего движения в духе антигосударственном? Насколько кажется — антигосударственность, является одним из главных звеньев анархического идеала: везде и всюду анархисты указывают на государство, как на самое страшное зло общества, и вдруг... доказывать бесполезность антигосударственного движения! Что это может значить? Допустим, что этим доказыванием бесполезности антигосударственного движения, занимаются одни лишь анархисты старой школы, как это выразился тов. Независимов, но тогда, что же такое старая школа? Ограничиваться тут одной лишь фразой не достаточно. Если под старой школой анархизма, тов. Независимов подразумевает анархизм 80-х г., то, следовательно, современный анархизм он считает новым. Но в таком случае, где же та перпендикулярная линия, которая обязательно, при этом, должна пересекать анархизм? Где та отличительность, посредством которой можно было бы современный анархизм отделить от анархизма 80-х г.? Кажется, что ни в вопросе о государстве, ни в вопросе о частной собственности, ни в вопросе о праве, ни в каких либо других вопросах, между современным анархизмом и анархизмом 80-х годов, нет никакой отличительности, (исключая, конечно, тактику, которая всегда применяется с расчетом наибольшей пользы). С самого своего начала и по днесь, анархизм остается одним и тем же. Да и было бы, наконец, смешно, чтобы современный анархизм отвергал то, что было положено в основу анархизма.

Следовательно, говоря об анархизме 80-х годов, нужно иметь в виду вообще анархизм (в том числе и современный), имея же в виду анархизм вообще и утверждать, что

анархисты доказывают бесполезность широкого экономического движения в духе антигосударственном, — это что то новое, первый раз исходящее из уст анархиста.

Хорошо еще, что история, согласно утверждению тов. Независимова, не обратила внимания на все старания анархистов, и доказала обратное, т. е. движение в духе антигосударственном довела до пышного расцвета: в противном случае было бы даже страшно подумать, какая роль выпала бы на долю анархизма... Ведь это же была бы роль убийцы антигосударственного движения... Благоразумная, все таки, эта история! Ссылаясь на историю, на ту историю, конечно, на которую указывает тов. Независимов, очень легко заключить, что синдикализм (если под антигосударственным движением тов. Независимов подразумевает таковой), достиг дивного развития, а анархизм испарился — расплылся. Подумайте только — анархизма уже нет! он, под давлением истории, куда то улетучился — расплылся, оставил на своем месте один лишь пышный, дивный, чарующий синдикализм! Ах, да! — традиционного анархизма нет!... Что же, однако, такое традиционный анархизм? Какие традиции анархизм в себе заключает? И что, наконец, анархизм без традиции? Все эти вопросы, безусловно, требуют разъяснения, но, к сожалению, они должны остаться открытыми, так как это сильно отклонило бы от темы статьи.

Итак, тов. Независимов ликует дивному расцвету синдикализма и расплыванию анархизма. Пожалуй, в первом отношении тов. Независимов, до некоторой степени, основателен: действительно, количественно профессиональные организации, в некоторых странах, расцвели. Но где плоды этого расцвета? Неужели уменьшение рабочего времени, повышение заработной платы, могут быть достойными плодами организации с столь громким именем? Кажется, что все эти достижения, во многих случаях, если не в большинстве, выливаются в самое обыкновенное улучшение положения, в рамках существующего строя. Если бы тов. Независимов обратил внимание не на количество, а на

чество профессиональных организаций, то его радость должна была бы смениться печалью. Еще грустнее почувствовал бы он себя, если бы тщательно проследил ход этих организаций. Любая страна, где только имеются синдикалистические организации, может быть примером того, что синдикаты развиваются не по линии революционности, а по линии реформизма. И этот ход развития не является чем-то причинным, извне приходящим, а исходит из самой природы этих организаций. В каждой из синдикалистических организаций, по воле обстоятельств или в силу роковой неизбежности, непременно образуется ядро с консервативными тенденциями, которое и поглощает всю революционность организации. И, чем дольше организация существует, тем крепче становится это самое ядро и влиятельней пускает свои реформистские лучи на всю организацию. Об этом действительно свидетельствует история! Даже тов. Независимов с этим соглашается, говоря: "...до тех пор, пока анархисты принимали деятельное участие в синдикатах, замечался дивный рост этого движения, с тех же пор, как анархисты стали относиться отрицательно к синдикалистам (вернее было бы — к синдикатам, примеч. мое А.), токовые стали заметно чахнуть и подпадать под опеку лидеров политиканов". Конечно, тов. Независимов всю беду старается свалить на головы анархистов — они, мол, стали относиться отрицательно к синдикализму; но здесь, кажется, есть маленькая неточность. Кажется, утверждение, что анархисты вообще, стали относиться отрицательно к синдикализму, будет не совсем правильным: среди анархистов и сейчас еще есть сторонники синдикализма. Если же синдикализм, все таки, идет к худшему, то это значит, что этот ход его развития может совершаться несмотря на то, что там находятся анархисты. Анархисты, оказывается не могут противостоять уклонению синдикализма к худшему, даже больше того — они сами попадая туда, несутся с течением синдикализма, т. е. становятся на точку зрения реформизма и, в результате, считаются потерянными для

анархизма.

Характерно здесь еще и то, что, согласно толкования тов. Независимова, синдикализм — это что то несамостоятельное, беспомощное, непременно пляшущее, если не под дудочку анархистов, так под дудочку лидеров-политиканов. Своего же собственного, родного у синдикализма, как будто бы ничего и нет. Интересно, что на это ответил бы член профессионального союза, в понимании которого, синдикат — это ячейка будущего в оболочке старого. Впрочем, тов. Независимов, тоже, надеется, что: "...в скором будущем, синдикальное движение сможет обойтись без мнимой посторонней помощи". Стало быт, Улита едет, — когда то будет... И вот тогда, когда это будет достигнуто—тогда: "...высоко подняв знамя революции, будет шагать (синдикализм) по пути к равенству, братству и свободе". Что-ж, очень хорошо было бы присоединиться ко всем этим розовым чаяниям тов. Независимова, если бы была хоть капелька надежды на то, чтобы Волга вспяг побежала. Но даже, если бы действительно, нечто подобное могло случиться, то и тогда вся эта благодать относится лишь к отдаленному будущему. Значит, даже в таком случае, слава и честь синдикализму может быть лишь тогда, когда он да, начнет шагать к равенству, братству и свободе, но не теперь.

Далее тов. Независимов указывает: "Необходимо действовать политически и экономически", и тут же спрашивает: "но как будут бороться антисиндикалисты?" Вот как! Кто это говорит и кому здесь ставится вопрос? Антисиндикалистам, смотрящим на политическую и на экономическую борьбу, как на борьбу вообще против капитализма, и вдруг, ни с того ни с сего, поучение необходимости бороться политически и экономически! Не было ли бы более уместным и гораздо справедливым, повернуть все это в обратную сторону, т. е. в сторону синдикалистов? Синдикалисты, действительно, всю свою борьбу против капитализма стараются сосредоточить в мрачных, стенах мастерских, где вся мощь капитализма им представляется в

виде средств производства. К другой же борьбе, в особенности к борьбе политической, синдикалисты относятся индифферентно, в полном смысле этого слова. Сам тов. Независимов, как мы потом увидим ниже, это оспаривает, но здесь он до того словоразохотился, что понесся с своим синдикализмом везде и всюду. Он с ним и в политике, и в экономике, и в широких массах, и в толстых слоях рабочих, и среди крестьян, словом — везде, где хотите. В виду этого столь размахистого полета тов. Независимова, мне хочется указать на один маленький, но довольно **характерный факт**. Несколько времени тому назад, на страницах синдикалистической прессы, мне пришлось прочесть признательное заявление одного синдикалиста (имени его я не буду помещать), что синдикализм в России развиваться не может, так как **Россия — страна, преимущественно, крестьянская.**

Вот этот то, на первый взгляд, и ничего не значащий факт, при более глубоком его уяснении, может открыть очень многое. Правда, беспристрастному и надо сказать, истинному синдикалисту, тут нет ничего удивительного; **тем, которые, по тем или иным** причинам, стараются вознести синдикализм до небес, это — чувствительная пощечина. Здесь самым простым и всем понятным образом, открывается одна из хромающих сторон синдикализма — неприемлемость его крестьянством.

Не будем долго останавливаться на этом вопросе (об этом когданибудь потолкуем отдельно), но следует сказать, что, ввиду этого, синдикализм ни в коем случае не может считаться общечеловеческим идеалом. Он может быть идеалом лишь определенного какого-нибудь класса, его цели могут быть приемлемы и целесообразны лишь в той среде, в том обществе, где существуют классы; но там, где классов не будет — там синдикализм явится чемто чуждым и лишним. А ведь мы, как раз и стремимся к такому состоянию общества, где не должно быть классов.

Несомненно, что все синдикалисты, при виде этого, в один голос завопят — а про-

изводство! Следует признаться, что **это** один из самых крепких и надежных аргументов, на который синдикалисты рассчитывают в минуту трудную опереться. Но увы! — весь блеск все величие этого аргумента меркнет, при одной лишь мысли о крестьянстве. Ведь крестьянский труд тоже производство! И надо сказать, одно из главнейших производств. Хлеб прежде всего! И вот оказывается, что синдикализм, так много кичившийся производством, является чуждым основе производства — крестьянству.

Вернемся, однако, к статье тов. Независимова. Тов. Независимова сильно обидело название мною русских профес. союзов бесцельными. И вот он пытается доказать, что они **далеко** не таковые; что они насквозь пропитаны духом революционности и готовы этот дух защищать для анархизма. (Бедный анархизм! Каким ты жалким, беспомощным кажешься в данную минуту! Кто только для тебя не защищает духа революционности?!) Напрасны потуги тов. Независимова! Из прибывающих из России сведений видно, что большевистское правительство чуть ли не каждый день видоизменяет нормы в области экономики: оно сдает предприятия в аренду кооперативам, частным лицам или духовенству; оно вводит коллективное вознаграждение; оно назначает премиальную плату; оно устанавливает тарифные категории, а профессиональные союзы, во всех этих, безусловно, их касающихся случаях, даже самым малейшим образом не заикнутся о своем существовании; они честно и покорно проглатывают всякую пилюлю, какую только им большевистское правительство не преподнесет. Где же тут революционность профессиональных союзов? Где тот дух, который они лелеют для анархизма? Тут не только о революционности, но даже о самосохранении не приходится говорить. Только название, только численность — шесть миллионов членов — венчает славу русских профес. союзов, в остальном же они пешки в руках большевистского правительства. Я уже говорил, в своей первой статье, что синдикалисты поднимают неистовый гам и шум, если им кто либо говорит, что синдикализм

анархизм, суть вещи неодинаковые. Этот же шум недовольства не преминул проявить и тов. Независимов. Он до того раздосадовался разграничением анархизма от синдикализма, что это место в моей статье, считает самым интересным, а следовательно и самым удивительным местом. Как, мол, так, изумляется тов. Независимов, чтобы анархизм и синдикализм были одно и то же! И вот, тов. Независимов принимается склеивать анархизм с синдикализмом. Он самым строжайшим образом, не обращая внимания даже на своих единомышленников, утверждает, что анархизм и синдикализм, в сущности одно и то же, и, для большей прочности, свои утверждения скрепляет цитатой К. Оргенани. К сожалению, цитата выбрана немного неудачно, и она не только не подкрепляет, но наоборот—разрушает все прежде построенное тов. Независимовым. В цитате определенно отрицается все то, что имеет политическую марку а ведь, немного выше, тов. Независимов доказывает необходимость политич. честкой и экономической борьбы.

После всего этого, тов. Независимов откуда то выкопал, быдто бы я в одном месте приписываю революционность исключительно анархизму, а в другом — говорю, что слово революция начертано на знаменах, как анархизма, так и синдикализма, противореча, таким образом, самому себе. Нет, тов. Независимов, не я приписываю революционность исключительно анархизму, а делают это сами синдикалисты, своим утверждением, что синдикализм еще не анархизм. Я лишь делаю логический вывод из этого утверждения — вина не моя. Очень возможно, что если бы синдикалисты располагали какими либо другими оправдательными возможностями, они не прибегали бы к этому компрометирующему себя утверждению. Но так как у них других возможностей нет, им поневоле, чтобы оправдать свое безрезультатное пребывание в синдикатах, приходится утверждать, что синдикализм — это еще не анархизм.

Теперь мы подходим к самому больному месту нашей дискуссии — к массам. Где вы

можете найти массы? как вы сумеете к ним подойти?—всегда сыпалось на головы анархистов. Играет на этом вопросе и т. Не—ов. Он с улыбкой удивляется, как это можно встретив на улице человека и давай вкалывать ему анархизм. Вот, мол, мы, анархо-синдикалисты, подчеркивает тов. Независимов, находимся там, где нас слушают, где есть рыхлая почва, где будет тучное семя и т. д. и т. д.

Прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, необходимо уяснить, на какой подкладке он базируется. Уясняя суть и форму вопроса — видно, что в конечном счете он сводится к тому: где анархисты найдут массы? Это самый главный, так сказать, корень вопроса, этим всегда допекали, ушедшие в синдикаты, как в лес по грибы, анархо-синдикалисты анархистов. Трудно сказать, какими судьбами вопрос был так построен, но следует заметить, что до тех пор, пока он будет находится в этой плоскости, — обсуждение его не даст никаких результатов. Спрашивать, где анархисты найдут массы — вопрос чисто кабинетный, теряющий для рабочего-анархиста всякое значение. Для рабочего-анархиста не приходится беспокоиться где найти массы, так как в сущности он сам — массы с одной стороны, и в то же время, волею сложившихся обстоятельств, он всегда возвращается в кругу себе подобных. И, если поставить вопрос в такой плоскости, то “хождение в массы” само собой отпадет. Было бы только желание, энергия — миссы кругом. Случай же для беседы с этими массами, найдется каждую минуту, особенно во время работы на фабрике, или живя в рабочем квартале. Там же, где затруднительно вести устную пропаганду можно пользоваться письменной. Подходящая литература может оказаться самой лучшей и самой верной проводницей идей анархизма. Словом, пропаганда анархизма настолько всесторонняя, что ее можно с успехом применять не идя в синдикаты.

Следует, однако, сказать, что с практической точки зрения вопрос: следует ли вступать в синдикаты, — вопрос довольно сложный, иногда больше зависящий от окружающих об-

стоятельств, чем от воли личности. Часто, например, рабочий, чтобы получить ту или иную работу, должен стать членом союза данной профессии. Но здесь вопрос поставлен не практически, а принципиально. Здесь говорится вступить в синдикаты не потому, что этого требуют сложившиеся обстоятельства, а на основании своей личной воли, чтобы там проводить идею анархизма. Так, по крайней мере, построен вопрос у тов. Независимова.

Тов. Независимов, ничуть не задумываясь, посылает в синдикаты сеять семя, так как там очень хорошая почва-массы. Не станем утруждать тов. Независимова: что значит идти в синдикаты (ведь синдикат не кабака, куда можно заходить кому угодно), но интересно было бы полюбопытствовать: действительно ли синдикаты являются хранилищем масс. Если сравнить массы находящиеся в синдикатах и вне синдикатов, то получается обратное. К тому же нужно еще брать во внимание, на какой почве больше расчета сеять семя. Почва, находящаяся вне синдикатов — это новь, способная, при благоприятных обстоятельствах, дать похвальный урожай; почва же, заключающаяся в синдикатах, уже засеяна семенем синдикализма, и бросать туда семя анархизма, все равно, если бы на засеянной овсом полосе, сеять пшеницу. По мимо всего этого, здесь необходимо иметь в виду и свойства сопротивления. Сопротивлением вне синдикатов может быть одно лишь невежество; в синдикатах же что-то гораздо острее невежества. Вне синдикатов анархизм приходится раз'яснять; в синдикатах — доказывать. Вне синдикатов — убеждать; в синдикатах — настаивать (часто входить в азартную дискуссию). Вне синдикатов молчаливое несогласие с анархизмом (в плохом исходе разговора); в синдикатах — страстные нападки на анархизм, и т. д. и т. д. Где же тут можно ожидать большего результата от посеянного семени?

Пойдем дальше. Тов. Независимов советует не опасаться тяжести центра, могущего явиться на другой день после революции; он ручается, что не постановлениями и указами займется ра-

бочие союзы, "а организацией и воспитанием рабочих масс" и, вдобавок, "переустройством страны". Хотелось бы спросить тов. Независимова: а не поставят ли все вот эти обязанности рабочих союзов в положение центрального органа? Распоряжаться воспитанием рабочих масс и переустройством страны, в сущности — функционировать в духе централизма. Очень естественно, что грозное слово "центр" в смысле власть, будет смягчено словом "центр" в смысле действие. Но не важно, в данном случае, как будет называться с централистическими полномочиями орган: центром власти или центром действий — важно то, что он будет исполнять роль центра. Все поступки, все действия, он будет согласовать с своими желаниями и усмотрениями. Каковы же будут его желания и усмотрения — можно судить по тому, в каком положении центр будет находится. А положение его будет чисто распорядительское, поэтому все исходящее из него будет распоряжением. Центр фактически станет властью.

Правда, тов. Независимов нас уверяет, что никакая власть и ей подобные инстанции, не могут быть притяжательной силой для синдикализма, и свои уверения он подкрепляет словами Новомирского. Возможно все было бы гладко и хорошо, если бы сам Новомирский не служил тут нам живым примером.

В конце своей статьи тов. Независимов приходит к заключению, что "твердить вечно о будущем", совершенно лишнее и бесполезное занятие. Как синдикалисту — здесь все в порядке вещей: у синдикалиста нет будущего; но как анархисту (а ведь, тов. Независимов считает себя анархистом) — такое заключение не вполне естественно, даже больше того — вредно. Из опыта истории мы знаем, что рабочие не раз, ценою своих сил и крови, создавали благоденствие другим, лишь только потому, что не имели конечной цели своих действий. Они действовали, они творили, и творили великое и благородное дело, к этому их вызвали многие обстоятельственные причины; но ради чего они действовали, какое следствие этих действий должно было быть — рабочие

не знали. И благодаря этой неясности своей цели и неопределенного будущего, плоды рабочих действий пожинались их же врагами. Так было во время французской революции, это же совершается и в Русской революции, и для того, чтобы подобное не могло случиться и

впредь — рабочие должны ясно и определенно уяснить свои интересы: они должны знать почему и ради чего им нужно идти на баррикады, и что посредством революции должно быть осуществлено.

Автономов.

— 0 —

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

В ТЮРЬМАХ РОССИИ.

Недавно оставив Россию, мы сознаем, что наши первые и самые необходимые слова должны быть сказаны по поводу наших политических заключенных в России. Это является печальным, надрывающим сердце, описанием положения дел в России, когда приходится говорить о политических заключенных в стране Социальной Революции! Но к несчастью действительность такова. Мы ни коим образом не говорим о контр-революционерах, которые, понятно, могли бы быть пленниками Революции. Как бы это ни показалось невероятным, остроги и тюрьмы России, в настоящее время, густо населены революционными элементами страны: мужчинами и женщинами с самыми высшими общественными идеалами и стремлениями. По всей громадной стране в Центральной России и Сибири, в тюрьмах старого и нового режима, в одиночках Особого отдела Че-ка — томятся революционеры, всех партий и движений: левые социалисты-революционеры, максималисты, коммунисты из "рабочей оппозиции", анархисты, анархо-синдикалисты и универсалисты, — приверженцы различных школ общественной философии, но все истинные революционеры и большинство из них активные участники Ноябрьской Революции 1917 года. Положение этих политических заключенных в высшей степени жалко. Не говоря об их нравственных страданиях и терзаниях, чисто-физическая сторона их существования невыразимо плачевна. Благодаря общему состоянию страны, недостатку

строительных материалов и искусственных рабочих, ремонт тюрем практически не возможен. Поэтому гигиенические условия в громадном большинстве случаев — самого примитивного характера. Но хуже всего обстоит дело с продовольственным вопросом. Ни в один период своего существования Большевицское правительство не могло доставить своим пленникам достаточного пропитания. Их пайки не удовлетворяли самого низшего минимума существования. Действительная поддержка существования заключенных падала на плечи их друзей, родственников и товарищей. Но теперь положение еще ухудшилось. Только при 52% собраного продналога, при практической невозможности собрать больше, при голоде в Приволжских губерниях и при общей разрухе экономической машины правительства, положение населения тюрем в действительности — безнадежно.

Нужды политических заключенных удовлетворяются, но, конечно, в очень ограниченном размере Политическим Красным Крестом, верной делу и дееспособной организацией, активным членам которой является известная старая революционерка, Вера Фигнер. Эта организация, всецело рассчитывающая на добровольное содействие, была особенно успешна в своей миссии, считаясь с тем как трудно для кого бы то ни было в России сберечь на пожертвования из своей собственной скудной порции. Но во всяком случае, в общем, Политический Красный Крест был в состоянии снабдить са-

мые фундаментальные нужды политических заключенных.

Всех, исключая Анархистов! Не потому, что Красный Крест хочет делать различия. Наоборот, эта организация совершенно вне-партийна, хотя и с резкой окраской право-крылового элемента. Поэтому исходя из политических резонов. Анархисты в России давно уже восприняли метод: самим помогать нуждам их заключенных товарищей, и в течении лет был установлен обычай для Анархистического Красного Креста (позднее известного Черного Креста) заботиться о всех Анархистах в русских тюрьмах. Все время это являлось геркулесовской задачей для бывших на свободе русских Анархистов: эти заботы об удовлетворении нужд арестованных товарищей. Многие из более активных товарищей положили свою жизнь в Революции, громадное число их пало на фронте, защищая Революцию, в то время, как другие были расстреливаемы, или же изнывали в Большевистских тюрьмах. Многие из них, которые еще оставались живы и вне тюрем, сами постоянно были на краю голода: Черный Крест должен был употреблять сверхчеловеческие усилия, дабы предохранить заключенных товарищей от действительной голодной смерти. Ими была выполнена работа, полная самопожертвования и благородства.

Но если его работа была тяжела и затруднительна, теперь она стала неизмеримо тяжелее. Новая политика систематического преследования Анархистов Большевиками является ужаснейшим препятствием работе Черного Креста. Так как большинство членов находятся в тюрьмах, организация была недавно реорганизована и теперь известна под именем Общества Помощи Анархистам в Тюрьмах России. Она героически продолжает работу подачи той небольшой материальной помощи заключенным товарищам, которую ей удастся собрать. К несчастью, возможности оказания и сбора помощи очень ограничены. Товарищи на свободе лишают себя самых существенных потребностей жизни лишь бы послать несколько больше фунтов хлеба или картофеля заключенным. Они желают, даже

рады, поделиться самым последним. Но у них так мало у самих, а так много товарищей в тюрьмах и их нужда так велика! Из тюрем Москвы, Петрограда, Оrla и Владимира; из дальних губерний Востока и от сосланных на ледяной Север товарищей — приходят ужасные вести. Ужасный бич голода, страшная цинга — свирепствует между ними! Их руки и ноги пухнут, десна слабеют.. выпадают зубы.. начинается гниение живого тела... Товарищи на воле, прислушайтесь к этому крику о помощи! Анархисты в России совершенно не могут удовлетворить самих элементарных нужд их заключенных товарищей без помощи друзей за-границей. От имени Общества Помощи Анархистам в тюрьмах России, от имени мучимых наших товарищей, замерзающих и умирающих с голоду в Большевистских тюрьмах, страдающих за их верность высшим идеалам — мы взываем к вам товарищи и друзья повсюду! Только ваша доброоходная и немедленная помощь может спасти наших заключенных товарищей в России от голодной смерти!

С братским приветом,

Александр Беркман

Общий делегат от Общества Помощи Анархистам в тюрьмах России.

Эмма Гольдман и А. Шапиро, Секретарь Анархо-Синдикалистического Союза "Голос Труда", в Москве.

Р. С. — Просим посылать пожертвования только деньгами. Благодаря низкой русской валюте, даже маленькие суммы, посланные из Европы или Америки могут существенно помочь. Пошлите пожертвования по адресу:

Redaction "Brandt", R.A. R. P. —
Olandsgatan 48,
Stockholm 4, Sweden

Примечание: Просим все Анархистические и Синдикалистические издания перепечатать это воззвание.

Стокгольм, 12-го Января, 1922 г.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА.

По постановлению правительства Р. С. Ф. С. Р., мы высланы из России и вот уже несколько недель как находимся вне ее пределов. Теперь мы хотим сообщить, как мы попали в тюрьму и за что нас выслали*).

*) Всего нас приговорено к высылке 10 человек, но выехало нас еще пока двое. Так как мы 10 человек члены различных организаций и арестованы были в различное время, то вполне естественно, что мы будем писать только о себе. Что же касается остальных товарищей, то мы надеемся, что они сообщат Вам, как только найдут возможным.

Мы члены московской организации Об'единенного Анархического студенчества, которая была организована во время похорон П. А. Кропоткина, из бывших до того времени разрозненных групп и отдельных товарищей. С момента организации нами было поставлено несколько лекций и вечеров памяти П. А. Кропоткина в различных высших учебных заведениях, где выступали товарищи различных анархических организаций. Однако мы не хотели ограничиться одними отрывочными лекциями, а решили организовать чтение систематических лекций по анархизму, тем более, что среди нас были и молодые товарищи, которые имели потребность в более широком ознакомлении с анархизмом. С этой целью мы обратились к старым, более опытным товарищам анархистам, членам других организаций, которые охотно пошли нам навстречу. Но вскоре, были произведены аресты анархистов, и часть из них была арестована. Об'единенный клуб анархистов в Москве был закрыт и мы, таким образом, потеряли место, где мы рассчитывали устроить чтение систематических лекций. Несмотря на это, мы решили не бросать начатого нами дела и продолжать его с помощью оставшихся товарищей на воле. Чтобы обсудить этот вопрос в связи с создавшимся положением технического отдела Всероссийской Федерации Анархистов. На этом собрании мы и были все арестованы В. Ч. К.

В начале нас поместили во внутренней

тюрьме В. Ч. К. вместе с контр-революционерами и спекулянтами, предварительно раз'единив обманным образом по одному. Здесь нам пришлось сидеть в кошмарных условиях: голодный паек ($\frac{3}{4}$ ф. хлеба в день), не имея сношения с родными на воле, без прогулок и газет, находясь в маленькой комнате (шагов 10 в длину и 4 в ширину), набитой по 7—8, а иногда 10 человек, полной всевозможных насекомых и почти непроветривавшейся.

После этой тюрьмы, мы были переведены в старые московские тюрьмы, так: мужчин в Таганскую, а женщины (среди нас были арестованы 3 женщины) в Новинскую, где условия содержания были несколько лучше. Здесь мы не только соединились друг с другом, но и с другими товарищами анархистами, которые были арестованы раньше нас; здесь мы также имели прогулку, книги, газеты, а позднее и свидание с родными с разрешения В. Ч. К. Просидев три с половиной месяца в тюрьме без всякого обвинения и не видя ничего лучшего в будущем, мы, вместе с другими товарищами анархистами, которые также сидели без всякого обвинения, решили протестовать против безпричинного томления нас в тюрьме и объявили голодовку с требованием нашего освобождения. На одиннадцатые сутки нашей голодовки, к нам явился управляющий делами В.Ч.К. Ягода и заявил нам от имени правительства, что, если мы немедленно прекратим голодовку, правительство обещает выслать нас всех за границу без права в'езда в Россию. Мы решили принять это предложение. После этого мы просидели еще два месяца и только 12-го сентября были выпущены из тюрьмы, а остальные 8 товарищей несколько дней спустя после нас. Приблизительно через неделю нас двоих отправили в Петроград для дальнейшей высылки, не дав возможности увидеться с родными.

7-го октября мы выехали из России.

Не менее жестока была расправа и с арестованными вместе с нами женщинами т.т.

Исаевой, Ганшиной и Штюмер. Они в августе месяце были, по постановлению В.Ч.К. посланы в одно из самих глухих, северных мест Архангельской губернии.

Так расправилось с нами Советское прави-

тельство только потому, что мы были агитаторами, не имея ни каких иных причин.

С братским приветом Иван Юдин
Петр Михайлов.

25 ноября, 1921 г.

ОТЧЕТ.

ОТЧЕТ РЕДАКЦ. КОЛ.

ПРИХОД:

За "В"

Ньюарк	— — — — —	13.60
Де-т гр. 1	— — — — —	7.50
Де-т	— — — — —	17.75
Гар-д	— — — — —	6.00
Р-да Ва.	— — — — —	1.05
Ир-ко Ф-с	— — — — —	16.60
М-сон Ил.	— — — — —	4.00
Га-тон К-да	— — — — —	5.45
Гар-д добр. пож.	— — — — —	10.00
Инт-ал Флс	— — — — —	1.50
Ч-го	— — — — —	17.88
" добр. пож.	— — — — —	30.00
Р-стер	— — — — —	33.50
Тов. Д-тров	— — — — —	2.00
С. М.	— — — — —	1.00
Де-т — гр. 1	— — — — —	1.95
Н. Г-н	— — — — —	25.50
В-бури	— — — — —	4.50
Ньюарк	— — — — —	3.00
Н. И. 23-4	— — — — —	17.40
Итого за "В"	— — — — —	220.18

ЗА ЛИТЕРАТУРУ:

Инт-ал флс	— — — — —	13.00
Ч-го	— — — — —	9.77
В-бури	— — — — —	7.55
Мар-н	— — — — —	4.07
Итого за Л-ру	— — — — —	34.39

Пом. анар.

Де-т	— — — — —	7.50
Ир-ко флс	— — — — —	15.25
М-сон Ил.	— — — — —	7.05
С. Р. Р. С. Ф.	— — — — —	21.75

С. Р. Р. В-тон	— — — — —	80.00
Н. Г-н	— — — — —	13.00
" " Испан.	— — — — —	10.00
Гар-д	— — — — —	13.00
Р-стор ;е-ку	— — — — —	3.50
Итого	— — — — —	121.05
М-ст П-та Га-д	— — — — —	15.00
Д-т Ар-тина	— — — — —	25.00
Агит. фонд, Роч-р	— — — — —	6.00
Общий приход за Январь	— — — — —	421.62
В кассе до 1-го Января	— — — — —	289.73
Итого на приход	— — — — —	711.35

РАСХОД:

За "В"

Наборщик	— — — — —	40.00
Машины	— — — — —	30.00
Бумага и печать	— — — — —	100.00
Упаковка	— — — — —	2.00
Пересылка	— — — — —	18.04
Перевоз метала	— — — — —	1.00
Письмен. прин.	— — — — —	1.00
Размен мон. ордера	— — — — —	1.60
Помещение Ред. Кол.	— — — — —	5.50
Итого	— — — — —	199.14
Агит. фонд	— — — — —	
Выслано в Де-т	— — — — —	33.00
" " "	— — — — —	50.00
Пересылка денег	— — — — —	.30
Итого	— — — — —	83.30
Выслано в Гер. пом. анар.	— — — — —	81.55
Литер. пор. и упак.	— — — — —	1.96
Размен Кан. из Ви-нда	— — — — —	5.38
Общий расход	— — — — —	371.33

Общий приход	— — — — —	711.35
" расход	— — — — —	371.33
В кассе на 1-е Февраля	— — — — —	340.02